

УДК 93/94

DOI: 10.15393/j14.art.2020.148

Чернякова Ирина Александровна

Петрозаводский государственный университет
Институт истории, политических и социальных наук
Доцент кафедры зарубежной истории, политологии
и международных отношений

Гуманитарный Инновационный Парк ПетрГУ
Руководитель Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии,
кандидат исторических наук

Генеалогический этюд: что могут поведать налоговые документы XVI–XVII вв. исследователю фамильной истории?¹

Аннотация: В статье показана возможность применения эвристического метода в генеалогическом исследовании, обращённом во времена до начала составления книг церковного учёта. Автор утверждает, что в обнаружении и уверенном выстраивании последовательности имён предков конкретного рода крестьянского происхождения могут быть задействованы документальные источники, созданные в целях административного управления отдельно взятой территорией и налогообложения её обитателей. Существенную специфику данному исследованию придаёт то обстоятельство, что изучаемые документальные источники возникли в рамках деятельности как российских, так и шведских властных структур на территории древнего Корельского уезда (Западное и Северо-Западное Приладожье), за владение которым воевали шведские короли и российские государи с конца XVI по начало XVIII века (1580—1721). В центре внимания автора поземельные, обыскные и переписные книги; налоговые регистры; списки имён бежавших в военное лихолетье глав карельских семей, перечисленных землевладельцами-шведами в обращённых к российской власти претензиях; картографические материалы. На основе сопоставительного изучения конкретно-исторической информации, донесённой до наших дней комплексом разнообразных документальных источников, автор раскрывает драму предыстории рода Якушевых, изученного и восстановленного от современности до последней трети XVII века Д. И. Якушевым в составе одиннадцати поколений (88 семей, 280 имён).

Ключевые слова: Генеалогическое исследование; XVI—XVII вв.; крестьянский род; «корельские выходцы»; налоговые документы; картографические материалы; Корельский уезд; Кексгольмский лен; Кирьяжский погост; Куркиёкский погост.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Академии Финляндии «The Integration of the Karelian Periphery in European Society» No. 14997

ВВЕДЕНИЕ

Когда петербуржец Денис Игоревич Якушев десять лет назад впервые появился в Исследательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК) с объёмистой папкой, полной распечаток, выпускок и ксерокопий из многочисленных документальных публикаций и разного рода книг и статей, всепоглощающим чувством было удивление. Казалось невероятным, что такое множество прямых упоминаний конкретной местности с её затерянными в глубинке Пудожского края двумя-тремя поселениями на берегах Купецкого озера вообще может быть обнаружено в широчайшем спектре сугубо академических изданий с дореволюционных времён до наших дней. Какую-то часть листов в принесённой мне, как потенциальному научному консультанту, папке занимали записи, сделанные им самим в ходе осмыслиния всей этой разрозненной, собранной по крупицам историографической информации.

В первом же разговоре стало понятно, что Денис Игоревич, будучи доктором наук в области весьма далёкой от гуманитаристики, рассчитывает на профессиональное участие в доведении собранных фактов и упоминаний Купецкой волости до издания книги, посвящённой истории местности, откуда началось его родословие. Следует подчеркнуть, что такая результативность колossalной поисковой работы не была бы возможна без применения цифровых технологий, не просто задействованных автором предпринятого краеведческого исследования, но и модернизированных им на уровне программирования [23]. Даже новгородские летописи, доступные как PDF-издания в интернете, были распознаны и сохранены в текстовых файлах с расширением .doc с тем, чтобы применить контекстный поиск. И он увенчался успехом.

Не вдаваясь в детали многолетнего сотрудничества коллектива ИЛЛМИК с Д. И. Якушевым, отсылаю к самой книге, которая была подготовлена, в том числе благодаря архивным и историографическим разысканиям Д. В. Брусицыной, издана на бумажном носителе, затем, с некоторыми дополнениями, переиздана в электронном формате. Книга доступна самой широкой общественности, будучи размещённой на нашем университетском сайте [22].

Генеалогическое исследование Д. И. Якушев тоже успешно завершил, опубликовав в дополнение к тому, что вошло в книгу, подробнейшую статью, которая содержит немало подсказок для начинающих исследователей собственных фамильных родословий [21]. Выявив одиннадцать поколений родичей, Д. И. Якушев сумел достоверно установить имена своих предков до последней трети XVII века. Их обладатели — три брата: Гришка, Фомка и Сенка Зуевы — присутствуют в генеалогическом древе семьи Якушевых как нулевое поколение, будучи зафиксированными в переписной книге 1678 г. [21: 90]. Глубже во времени продвинуться не удалось. Несмотря на скрупулёзное изучение всех поимённо перечисленных обитателей поселений в окрестностях озера Купецкого и в сопредельных территориях Олонецкого уезда по переписным книгам 1640-х гг. и по писцовым описаниям 1620-х — начала 1630-х гг., имени Зуй (Зуйко) — по логике так должны были звать отца трёх братьев — обнаружено не было. Попутно выяснилось с обращением к изданному И. А. Кюршуновой исчерпывающему перечню некалендарных личных имён, прозвищ и фамильных прозваний по документам раннего нового времени, что оно исключительно редкое для северо-западных пределов России в XVII веке [10].

Д. И. Якушев не однажды упоминал в разговорах и в электронной переписке, советуясь и консультируясь по поводу изучения обнаруженных архивных документов на разных этапах продвижения в исследовании фамильного родословия, о том, что в семье веками хранили память о трёх братьях, в давние времена пришедших на Купецкое озеро откуда-то с Волги. Когда стало ясно, что архивные поиски не позволяют продвинуться дальше — а Д. И. Якушев успел за эти годы провести в читальных залах архивов Петрозаводска, Вологды, Новгорода, Архангельска, Санкт-Петербурга, Москвы не один полноценный рабочий месяц (!) — я поду-

мала, не могли бы это быть так называемые «корельские выходцы»? Ведь именно они относительно свободно передвигались семьями и в одиночку по пространствам российского северо-запада во второй половине XVII столетия в поисках нового места жительства, будучи вынужденными покинуть западное Приладожье, захваченное шведами в 1580-х гг., затем возвращённое Россией (Тявзинский «вечный мир» 1595 г.), и вновь уступленное Швеции по условиям Столбовского мирного договора в 1617 г. Особенно усилилась, буквально приняла массовый характер, миграция автохтонных обитателей православных приходов в пределы Российского государства в связи с войной 1656—58 гг., когда войскам царя Алексея Михайловича так и не удалось отвоевать город Корелу¹ с уездом.

Общеизвестным фактом является то немаловажное обстоятельство, что переселенцам-карелам чаще всего далеко не сразу удавалось прижиться в местах, подсказанных им так называемыми «знатцами» — своего рода проводниками, которые владели информацией как о путях-дорогах, так и о том, где имеются опустевшие по разным причинам дворы и пустоши, в каких поместьях, а также монастырях, несмотря на строжайшие запреты государственной власти, готовы принять «корельских выходцев», нуждаясь в рабочих руках и налогоплательщиках.

Некоторую надежду на успех обнаружения буквально «иголки в стогу сена» — настолько это на самом деле невероятная задача: поиск конкретных лиц в бесконечных перечнях имён в документах массового характера раннего нового времени — сообщало то обстоятельство, что не так уж часты ситуации упоминания одновременно трёх родных братьев. Да и присутствие при имени каждого из них редчайшего прозванья «Зуев» в переписной книге 1678 г. — ведь фамилий в те времена в источниках российского происхождения быть не могло — в некотором смысле обнадёживало.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Первоначальной задачей стали ответы на три вопроса:

- 1) упоминаются ли в документах шведской администрации XVII века — периода нахождения Корельского уезда (Кексгольмского лена) под властью Швеции — братья Гришка, Фомка и Сенка Зуевы?
- 2) насколько возможно отождествление их имён с именами, заведомо переиначенными в официальных текстах на шведский лад и к тому же переданными не кириллицей, а латиницей?
- 3) могли ли они оказаться в волжских пределах прежде, чем появились на берегах Купецкого озера в Пудожском крае?

Если на все три вопроса могут быть даны верифицируемые ответы, целью нашего исследования должно стать нахождение ещё более глубоких родственных корней для фамильного древа Якушевых.

Поскольку данная постановка проблемы — через формулирование предположений — основана на эвристическом методе, исходящем из научного допущения, немаловажную роль играет документальная база, на которой должно быть основано аналитическое исследование, призванное выдвинутую гипотезу подтвердить или опровергнуть.

¹ Корела (средневековый город с крепостью) — центр Корельского уезда Водской пятины в XV—XVI вв.; Кексгольм — под властью шведов и затем в составе Российской империи (по Ништадскому миру 1721 г); Кяки-салми — в составе Финляндии (1811—1940); ныне — Приозерск (с 1948 г.).

ИСТОЧНИКИ

Столь древнюю генеалогическую информацию, в нашем случае исключительно потенциальную, следует искать в документах массового характера, составленных в целях налогообложения. Поначалу это были кадастры, в которых фиксировалось качество и количество земли в условных единицах во владении крестьян (дворохозяев), затем перечни обитателей мужского пола в поселениях, двор за двором — писцовые и переписные книги. Не вдаваясь в детальные пояснения особенностей составления этого рода документов на пространствах Российского государства, подчеркнём, что в карельских — преимущественно черносошных поселениях — и те, и другие в XVI—XVII веках содержали перечни имён государственных (не владельческих, за исключением монастырских вотчин и единичных поместий) крестьян-налогоплательщиков, каждый из которых всенепременно должен был быть включён в составляемые по местностям в соответствии с административным устройством регионов описания. До начала XVIII века, то есть, до учреждения систематического церковного учёта с обязательной регистрацией священнослужителями каждого факта рождения, крещения и смерти в их приходах, в результате чего составлялись метрические книги, только документы фискального предназначения являются источниками сведений для генеалогических разысканий.

Шведская администрация на территории завоёванной западной Приладожской Карелии предпринимала выявление налогоплательщиков с гораздо большей регулярностью и рвением, чем было принято в России. Так, ещё до заключения Плюсского перемирия (1583), сразу после захвата крепости Корела Понтусом Делагарди, который на десятый день осады (04.10.1581) подверг упорно сопротивлявшихся жителей города, большинство строений в котором были деревянными, обстрелу из пушек зажигательными ядрами, начали составлять налоговые ведомости в тех погостах, куда чиновникам удавалось проникнуть. Подготовивший подобный документ: «Налогообложение в северном Кексгольмском лене 1590 г.: реестр по церквам и часовням, монастырям и мельницам, ранее действовавшим, но теперь заброшенным»¹ [здесь и далее заголовки шведских документов и цитаты в переводе автора — И. Ч.] к изданию в совместном советско-финляндском академическом проекте, ответственным исполнителем на всём протяжении которого с российской стороны являлась автор этих строк², финляндский исследователь Вейо Салохеймо заметил в предисловии:

«После того, как крепость Корела осенью 1581 года была захвачена шведами, стремились завладеть всем уездом и собирать там налоги. Год от года составляли списки податных домов и общие по деревням списки дворов, не плативших налоги, то есть, списки запустений» [18: 263].

Однако, ещё и спустя десять лет, когда был составлен опубликованный документ, информации о «пустоте» с точки зрения налогообложения не приходилось полностью доверять. В. Салохеймо не сомневался, что хотя в запустении был отмечен весь Соломенский (*Salmis*) погост,

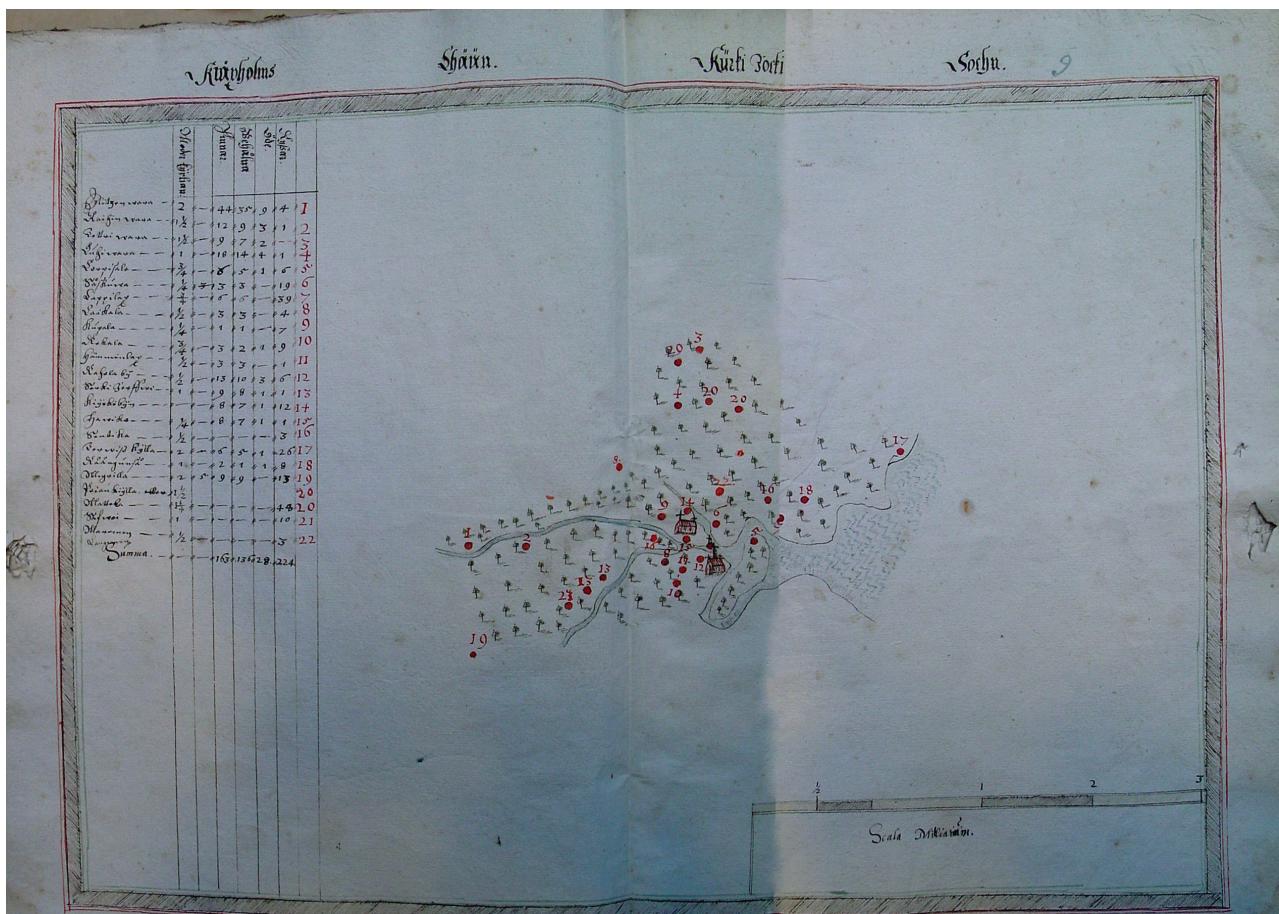
¹ Manttaledh aff Kexholms Lhänn pro Anno 1590: Ödhes Register opå the Kirckier, Cappel gelder, Clöster, miöll och stamp guarnar som tilförne hafua waridh brukadh och ähre nu öde udi Kexholms län prå Anno 1590 [18: 265—282].

² Проект действовал в 1985—1993 гг. по международному академическому соглашению с целью выявления, подготовки к опубликованию и издания документов по истории Карелии из архивов трёх стран: России, Финляндии и Швеции. Его инициаторами явились историки из Йоэнсуу и Петрозаводска Хейкки Киркинен (1927—2018) и Алексей Степанович Жербин (1923—2016) — коллеги, которых связывала многолетняя личная дружба. В подготовке первого тома принимал участие вскоре переехавший в г. Великий Новгород Г. М. Коваленко, с кем вместе мы работали тогда в секторе истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. С финской стороны соавторами-составителями выступили в первом томе Вейо Салохеймо, во втором и третьем — Киммо Катаяла и Сари Хирвонен. В целом в трёхтомной серии опубликованы 12 документов массового характера: семь на русском языке и пять на шведском. Общий объём этого беспрецедентного издания полных, без изъятий, документов — 150 п. л. (в т. ч. 90 п. л. на русском языке).

«... это было следствием сопротивления жителей: сборщики налогов туда вовсе не попадали» [18: 263].

Точно так же шведские чиновники стали регулярно описывать объекты для налогообложения на этой территории в начале XVII века — уже с 1613 г. [18: 263], за несколько лет до того, как Россия, переживавшая последствия Смутного времени, была вынуждена уступить Корельский уезд шведскому королю Густаву II Адольфу по мирному договору, заключённому в Столбове (27.02.1617).

Трудно даже представить какие пласти исторической информации в приближении к каждому имени в каждом населённом пункте западного Приладожья хранятся в шведских архивохранилищах, особенно зная, что многие из налоговых документов создавались в сопровождении рисованных карт-планов с локализацией на них поселений, а нередко и стоявших в них дворов. Приведём для примера в качестве иллюстрации копию перечня налоговых поступлений с поселений Кирьяжского погоста Эрика Уттера (*Erik Utter*), датированного 1650 г. [36].

Список налогов с поселений Кирьяжского погоста в сопровождении карты Эрика Уттера, 1650 г.

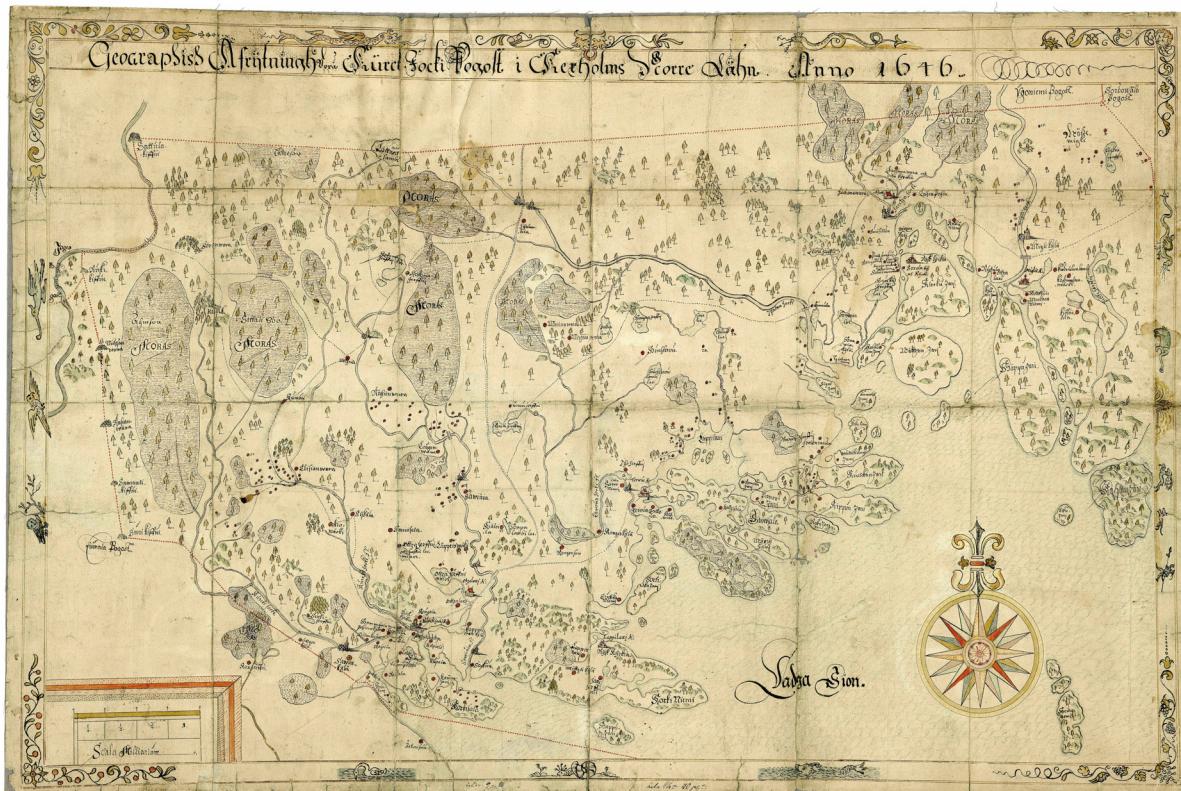
Будучи одним из соавторов в четырёхтомной «Аграрной истории Северо-Запада России», созданной под руководством ленинградского профессора А. Л. Шапиро (1908—1994), я полагаю чрезвычайно важной апробированную в ходе коллективной исследовательской работы перекрёстную проверку сведений, сообщаемых историческими источниками. Абсолютно предпочтительной можно считать ситуацию, когда архивные документы возможно анализировать в двух срезах: «вертикальном» и «горизонтальном». Чем шире территориальный охват предпринимаемого исследования, тем скорее реализуемым становится данный подход. В рассматриваемой здесь исторической ситуации речь изначально идёт как о весьма кон-

крайней задаче, так и о весьма ограниченной территории — Корельском уезде, который под властью шведов стал называться Кексгольмским леном¹ в связи с пожалованием во владение Якубу Делагарди, повторившему осаду (сентябрь 1610 — март 1611 гг.) и захват крепости Корела спустя 30 лет после того, как данная территория была впервые завоёвана для Швеции его отцом Понтусом Делагарди.

Забегая вперёд, обозначим, что наше поисковое исследование почти сразу сузилось до одного погоста — Кирьяжского — с центром в посёлке Куркиёки (*Kurkiöchi, Kurki Jäki* под шведской властью), сохранившего это название и позднее: в составе Российской империи, Финляндии и до нынешнего времени. Тем не менее, в силу удачного стечения обстоятельств сопоставление информации исторических документов в горизонтальном (близком по времени создания) ракурсе оказалось возможным. Более того, один из источников, сведения которого соотносимы с ключевым в данном исследовании документом массового характера, является рисованной картой, которая буквально визуализирует канувший в лету древний социально-хозяйственный ландшафт.

Уместно сразу же представить эту уникальную во всех отношениях карту, дошедшую до наших дней из середины XVII века. Документ имеет заголовок: «Географическое изображение Куркиёкского погоста в Северном Кексгольмском лене» с указанием даты: 1646 г., и доступен в открытом интернете на сайте Шведского Национального Архива (*Riksarkivet, Stockholm*) [26]. В соответствии с лучшими традициями своего времени карта содержит символические обозначения не только географических объектов (леса, холмы и болота), коммуникационной инфраструктуры (дороги с мостами), водных артерий (озера и реки, ручьи и протоки), но также значимых архитектурных сооружений (церкви и кирки), производственных объектов (мельницы) и даже крестьянских дворохозяйств.

Ландшафтная карта Куркиёкского погоста, 1646 г.

¹ **Лен** — то же, что западноевропейский феод — пожалованные (переданные во владение) сеньором вассалу земли вместе с их обитателями-крестьянами с правом сбора налогов в качестве дохода.

Что касается обеспеченности источниками в срезе вертикальном, представим их, следуя хронологическому принципу. Рассмотрим последовательно источники исторической информации от поздних к ранним, как, собственно, и принято действовать в исследованиях генеалогического характера. Опять же, забегая вперёд, подчеркну, что искомую преемственность имён с братьями Зуевыми первоначально удалось обнаружить не в самом близком по времени их появления в переписной книге 1678 г. документе.

Итак, следуя хронологии «сверху вниз», первым источником, который ожидает представления как часть задействованной информативной базы, является один из документов, опубликованных Вейо Салохеймо в 1995 г. в комплексном издании под названием «Бежавшие и увезённые из Кексгольмского уезда и Ингерманландии во время войны 1656—58 гг.» [34]. Согласно пояснению издателя, перечни имён соответствуют последней перед началом войны налоговой книге 1651 г. [34: 7]. Они составлялись специально с целью организации возвращения беглецов на прежние места жительства. Судя по пометам с датировкой в финальной части некоторых из документов (даты присутствуют далеко не в каждом из них), подготовка к предъявлению претензий России заняла несколько лет. Самой ранней датой из обнаруженных в текстах, относящихся к Кексгольмскому уезду, является август 1657 г. (сведения по Липецкому погосту), самой поздней — сентябрь 1673 г. (список сбежавших из погоста Пелгиярви). На большей части документов, где присутствуют даты, указаны разные месяцы 1663 г. Остаётся отметить, что, несмотря на общую задачу, составители списков разыскиваемых крестьян не придерживались общего формуляра. По-видимому, он постепенно усовершенствовался, следуя требованиям из центра. Степень информативности весьма разная. Наиболее полную картину создаёт документ, в котором учтены не только мужчины, их жёны и сёны, но также дочери, и даже лошади и коровы. Приведём его в качестве иллюстрации.

28

0

Efterskrefne fångar finnas vara fångne till Rysslandh Jfron Min
Nådige Herres Iacob Törnesköldz Godz Lijssma Pogost

	<u>man</u>	<u>hustr</u>	<u>söhn</u>	<u>dott</u>	<u>häst</u>	<u>koo</u>
Sigfredh Olofsson smedh finnes under						
Boriss Sikerin och Lijpola by	1	-	-	3	4	5
Olle Pitke	1	1	2	-	2	2
Anders Garbon finnes i Lesowa by	1	3	3	4	2	3
Simon Tar finnes i samma by	2	2	3	-	1	3
Michitta Olofsson finnes i samma by	1	1	3	-	1	3
- mägh		1				
Pedri Onttonof	1	1	-	-	1	1
Såfå och Steffan	2	1	-	-	1	2
Hans Napas barn fångne						
Hendrich Napo)						
Antte Napo)		2				
Ifwan Tarbilain fins i Någårdz län	1	-	3	-	1	1
Heicki Jortika medh brodhren i Seltzo by och Jfwans landh	2					
Ostika Lukonpoika	1	1	1	-	1	
Bertil Makilains syster Wallborgh						
Mattzdotter Makelain finnes wedh						
Sesaioki under Mikres enckia	-		1			
Petter Safwolains Brodher Söner						
Påwell Andersson) finns i Muscows						
Simon Andersson) lähn	2					
Jochim Torosietz son Jacob finnes i Muskows lähn	1					
Reissala d.2. April A:o 1663						
Herman Brandt						
manspersoner 31 st.						

Список налогоплательщиков, бежавших в Россию из имения Якоба Тёрнекёлда (Törnesköldz)
в Кексгольмском лене, 1663 г. [34: 28]

Тексты с информацией по Куркиёкскому погосту распадаются на три части, в каждой из которых подведён отдельный итог. Документы содержат имена крестьян-дворохозяев (ответственных налогоплательщиков) по деревням, которые они покинули¹. Первая часть озаглавлена: «Перечень крестьян по списку Ханса Хёга (*Hans Hög*), которые были эвакуированы в Россию из владения Густава Бьельке (*Gustaf Biälkes*) в погосте Куркиёки Кексгольмского уезда»². Даты нет. На косвенные сведения (имеющиеся в примечаниях к отдельным лицам указания года их присутствия в других документах) опираться не приходится, так как они сделаны публикатором и являются своего рода подсказками для будущих исследователей, следовательно, не автохтонны самому документу. Формуляр включает пять граф: против каждого имени обозначено количество ушедших, включая жён (*förrymbde hustrur*) и сыновей или братьев (*förrymbde män*), а также убитых (*Ihiäslagne män och hustr [ur]*). Отметим попутно, что пятая графа, предусмотренная для учёта погибших женщин, осталась незаполненной. Вероятно, их всё-таки не было. Впрочем, ощущается, что авторы этих списков всячески нагнетали ситуацию. Вторая часть документа, датированная 31 января 1662 г., содержит перечень ушедших из поселения Мигли (*Miglitz by*) — усадьбы Бери Олуфссона (*Börje Olufsson*) в Куркиёкском погосте³.

В третьей части, наиболее объёмной, содержатся имена крестьян, сбежавших из 35-ти деревень графства Кронборг в Куркиёкском погосте (*Grefskap Cronoborgh i Kurkioke Pogost*)⁴. Именно она содержит важные сведения для предпринятого мной исследования. Присутствие в заголовке — весьма странном по сравнению с заголовками аналогичных сопутствующих документов — упоминания о Кронборге наводит на мысль о том, что датирован этот перечень (третья часть) может быть не ранее 1668 г. Общеизвестно, что 20.05.1668 поселению Куркиёки по ходатайству графа Тура Оксеншерны (*Ture Oxenstierna*) был дарован статус «королевского форта», что явствует из самого названия (швед. *Kronoborg*). Считают, что жители занимались производством дёгтя и смолы, строили парусные суда и промышляли контрабандой [14], и что благодаря активной торговой деятельности древний Кирьяж сделался под властью шведов едва ли не богаче Выборга⁵. Заметим, что в третьей части, в отличие от первых двух, имеются не только сведения о количестве покинувших свои хозяйства крестьян, но и детальные указания о том, где каждый из них находился в России. Возможно, в этом следует видеть подтверждение, что данный перечень действительно мог составляться десять и более лет, и потому шведской администрации удалось отследить, где именно следует искать бывших налогоплательщиков. Ещё одним отличием формуляра третьей части (доработанного со временем?) является учёт и суммирование не ушедших людей, а мангалов

¹ Названия деревень: I — Harvia, Kobblola, Kuriranda, Käckenemi, Ahmola, Rougula, Kiwioia, Ifwannemij (Joninniemi), Härkela, Minola, Oppela; II — Miglitz; III — Corbisalla, Cappola, Cannansari, Hemenlax, Reckalla, Mäkemickolla, Nahalla, Hörolanniemi, Niukulla, Coukulla (Kousala), Päijass, Aromäki, Migrilla, Räijanworj (Räihänvaara), Lohenworj, Jhalanoija, Sorulla, Cumolla, Cukansarj (Kuhkaansaari), Kässwe Lax, Huchterfuss, Calkesallo, Cumolansari, Terfuss, Jho Jerfui, Cangas, Rungansso, Terfi Jerfui, Sawijoija, Läbäijsmäke, Hafika, Oztalax, Saskua, Lapin Lax, Suettika. Всего 47 поселений.

² Förteckninghz Lista Uppä dee bönder som till Rysslandh förrymbde och Jhiäslagne ähro af Hans Hög: ne Excell : s wälb : ne Herre her Gustaf Biälkes godz Uthj Kieholms norre lähn och Kurkiocke Pagast J Rysslandh [34: 50—51].

³ Wälb. Börje Olufsson Kronborgz godz uthj Kieholms Narre Lähn och Kurkioki Pogost [34: 52].

⁴ Efter Hans Excellence Wälborne H General Gouverneurens Order hafuer man anwänt sin största flijt och Ransakadt efter dhe Ryska Bönd-her som nu i förledhen Ropturs tijdh till Rysslandh wäldsbilgen affördte och till fånga tagne ähro efter dheres berättelze som nu iden komme ähro fölier nu Specification upå dhe som ähro nu i Rysslandh quart ähro af min Nådige grefskap Cronoborgh i Kurkioke Pogost [34: 53—60].

⁵ См. подробнее: [13].

(*mantall*) — полных окладных единиц, выбывших из королевского налогообложения¹, что хорошо видно из приведённого фрагмента документа.

53

B

Efter Hans Excell. Wälborne H General Gouverneurens Order hafuer man anwänt sin största flijt och Ransakadt efter dhe Ryska Böndher som nu i förledhen Ropturs tijdh till Rysslandh väldsambligen affördete och till fånga tagne ähro efter dheres berättelze som nu igen komme ähro fölier nu Specification upå dhe som ähro nu i Rysslandh quart ähro af min Nådige grefskap Cronoborgh i Kurkiioke Pogost Nembl.

<u>Corbisalla by</u>	<u>Mantall</u>
Cussma Jfwanof . . .	2
Callink Juanof . . .	2
Lucka Michailof . . .	3 håller sigh up i Någårdz lähn uthj
Juaska Juanof . . .	1 /.....
Fedotka Fedorof ¹⁴⁰ . . .	1 Sturåsina Klöster i Novgorodz lähn
Michitta Juanof . . .	1 ähr uthj Augnus lähn Tulois by
Safua Juanof ¹⁴¹ . . .	1
<u>Cupolla by</u>	
Jakob Pederof . . .	2 hålla till Augnus stadh
Iliuska Michailof .	5 dito
Offonka Jsakof . .	4 dito
Ogafonko Bogdanof .	1 dito
Oxenti Pederof . .	3 dito
Ondre Paukof ¹⁴² . . .	2 dito
<u>Cannansari</u>	
Fedtka Juanof . . .	2 ähr uthj Nougårdz lähn
<u>Hemenlax by</u>	
Samuilka Sijdorof .	4 håller till uthj Truitza klöster i Augnus lähn
<u>Reckalla by</u>	
Deneska Demretriof .	2 håller till uthj Agnus stadh
Långina Mijkitrof .	2 dito
Jlia Juanof . . .	4 ähr uthj Någårdz lähn
Demitri Jgnatiof .	2 dito
Jfwan Gregoriof ¹⁴³ .	1 dito
Trofwim Stepanof .	1 dito
Jsack Michitinof .	1 dito
Juan Michitin . . .	1 dito
Demitre Constantino ¹⁴⁴	1 dito
Juan Simenof ¹⁴⁵ .	2
Steffan Simenof ¹⁴⁶ . .	1 dito
Condrat Simenof ¹⁴⁷ . .	1 dito
<u>Mäkemickolla by</u>	
Rijgo Juanof . . .	2 dito
Juaska Davidof . .	2 dito

Первый лист документа со списком разыскиваемых налогоплательщиков, бежавших в Россию из Куркиёкского погоста, не ранее 1668 г. [34: 53]

Остается процитировать заключение В. Салохеймо о том, что на основании данных списков

«Шведская миссия в Москве в 1673 г. [спустя 15 лет — И. Ч.] пыталась вернуть людей, эмигрировавших из Кексгольмского уезда ... во время последней войны» [34: 7].

Следующий документ из ожидающих специального представления имеет ключевое значение в предпринятом исследовании: «Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г.» [27: 68—119; 478—523] Это колоссальное по объёму информации описание всей территории уезда, будучи составленным с участием владевшей русским языком администрации одновременно на двух языках, с идентичной соотнесённостью сведений в обеих частях, в полной мере отражает принципы налогообложения, которым пришлось подчиниться карельскому крестьянству

¹ **Мантал** — первоначально земельная мера в Швеции и Финляндии раннего нового времени, но не просто единица измерения площади, так как учитывалось и качество (продуктивность) земли. В манталах определялась доля домохозяйства в общем фонде угодий поселения: альменде (пруды, луга, болота, лес, выгоны, пустоши и другие угодья). В XVII веке мантал — единица налогообложения. Каждое дворохозяйство платило фиксированный ежегодный поземельный налог плюс другие, выпадавшие на его долю налоги, а также церковную десятину. См. подробнее: [35: 433].

в северо-западном Приладожье под властью шведской короны. Достаточно перечислить названия граф в документе, имеющем табличный формат: «лошади, жеребята, коровы, нетели, овцы, козы, свиньи, медь, хмель, самострелы, собаки, сети, тенеты¹, рожь и овёс в полях, рожь и овёс на подсеках, сено, неводы, суда». Всё это подвергалось налогообложению. Под «медью», по всей вероятности, следует понимать кухонную утварь: «котлики медные» для приготовления пищи. Во всяком случае, в известных мне переписных книгах «корельских выходцев», опрашиваемых уже на российской стороне, их всегда указывали со слов владельцев как важное имущество наряду с домашними животными (лошадьми и коровами) [19: 255]². В дополнительных графах фиксировались суммированные оклады в стоимостном эквиваленте (рубли и копейки), а также вносились отметки о собранных выплатах (*förmmedlatt / отдача*) по каждому домохозяйству. И, как обычно в документах подобного рода, в книге зафиксирована персональная ответственность налогоплательщиков — их имена перечислены в первой графе.

Копия одного из листов оригинала шведской части Поземельной книги Кексгольмского лена, 1637 г. [27: 45]

В частях с описанием Куркиёкского погоста на шведском [27: 68—119] и на русском [27: 478—523] языках присутствуют имена глав семей в 82-х поселениях, в которых находилось семь с половиной сотен дворохозяйств. Среди деревень очевидно преобладали многодворные: всего в 12-ти было по одному-два двора, в 22-х — от трёх до пяти и ещё в 22-х — до десяти дворов. Каждое третье поселение (всего — 27, т. е. 33%) было по тем временам очень значительным: по десять и больше дворов насчитывалось в 19-ти из них, 20 и больше — в семи, в двух стояло 30 и 34 двора, а в деревне Кумоля (*Kumolä by*) — 41.

¹ Тенета (старошвед. *hare näät*) — охотничья сеть для ловли зверей и птиц. См.: [3: Т. 4. С. 746].

² Впервые доложено научной общественности на Первом международном историческом конгрессе по финноугроведению (Congressus Primus Historiae Fenno-Ugricae), состоявшемся в г. Оулу (Финляндия) 14—18 июня 1993 г. [25: 158].

Ещё два важных для данного исследования документальных источника — результат деятельности шведской налоговой администрации в западном Приладожье, так же, как и ранее упомянутые «список дымов 1590 г.» и «поземельная книга 1637 г.» — опубликованы в рамках совместного советско-финляндского проекта (См. прим. 3 на с. 95). Это так называемые «поземельные» книги Кексгольмского лена, датированные, соответственно, 1618 г.¹ и 1631 г.² Несмотря на заголовки, по существу сообщаемой информации они обе являются сугубо налоговыми реестрами.

Первый из этих документов был подписан в Кексгольме относительно Задней Корелы 19 января 1618 г., через десять месяцев после заключения Столбовского мира. Как отмечалось выше, к тому времени уже не один год шведская администрация составляла здесь «списки дымов», но, по замечанию подготовившего документ к изданию В. Салохеймо, «только поземельная книга 1618 г. является полной» [18: 263]. Описание интересующего нас Куркиёкского погоста [18: 291—312], занимающее 20 листов с оборотами в архивном оригинале, содержит перечни налогоплательщиков по деревням с отметками против каждого имени доли его участия в коллективных выплатах. Тех, кто был освобождён от выплат, отмечали, ставя против имён пометы: «пусто» (*ödhe*), «ничего не облагается» (*inhet skattlagt*), «вновь прибывший» (*nykommten*). Иногда обозначалось ремесло, например, гончар (*eller krukemakare*), рыбак (*fisker*), что, конечно, не освобождало от выплат. Любопытно, что в итоговой части документа налоговые поступления суммированы по десяти старошеньям (*starostery*). Налоги, детализированные по каждому старошению, включали суммы денег (в далерах), хлеб (зерно в мерных бочках), а также сливочное масло, мясо (говядину и свинину), солёную и сушёную рыбу, хмель [18: 385—387]. Объёмы денежных и продуктовых сборов соответствовали определённому количеству манталов по каждому из старошений. Несомненно, ещё действовала российская традиция коллективного несения тягла и, к тому же, с явно обозначенной личной ответственностью выборных, а скорее назначаемых, старост. В целом обитатели Задней Корелы должны были обеспечить налоговые поступления с 953 манталов. Отмечу попутно, что самым крупным коллективным налогоплательщиком, значит, населённым наиболее состоятельными хозяевами, предстаёт Куркиёкское старошение (228 манталов). Хотелось бы подчеркнуть, что содержащаяся в документе информация позволяет некоторые наблюдения о социальном статусе жителей, также как об уровне благополучия отдельных деревень и до-мохозяев. Это, безусловно, важно в контексте генеалогического исследования.

Позволю себе проиллюстрировать только что сделанное замечание о возможности суждений о благосостоянии отдельных домохозяйств на основании сопоставления объёмов налоговых выплат при анализе второго из вышеупомянутых налоговых реестров — «поземельной» книги, составленной в Кексгольмском лене в 1631 г. Спустя почти 15 лет под властью шведской администрации, а главное, вероятно, в связи с завершением личной ответственности за ситуацию в провинции её фактического завоевателя Якоба Делагарди, владельца лена с 1618 г. по 1630 г.³, алгоритм сбора налогов изменился. Теперь обитатели всех погостов поимённо перечислены в налоговом документе: деревня за деревней, двор за двором с указанием сумм в рублях и деньгах⁴, которые с них взимались. Абсолютное большинство бобылей согласно перечню 1631 г., не вносили никаких платежей, о чём свидетельствует то, что против их имён в сопровождении помет — либо «бобыль» (*bobul*), либо «бобыли» (*bobuler*), если та-

¹ Käkisalmen pohjoisläänin maakirja 1618 [18: 283—387].

² Käkisalmen läänin maakirja 1631 [18: 388—520].

³ Договор ленного владения, включавший право сбора налогов и арендной платы с крестьян Кексгольмского уезда, был подписан Якобом Делагарди 28 июля 1618 г., изначально на шесть лет, затем был продлён до 1630 г. и закончился как раз перед составлением «поземельной книги» 1631 г.

⁴ Действовавшая денежная система, согласно налоговой документации Кексгольмского уезда под властью Швеции в 1630-х гг., была основана на рублёвом счёте при соотношении: в одном рубле 100 денег.

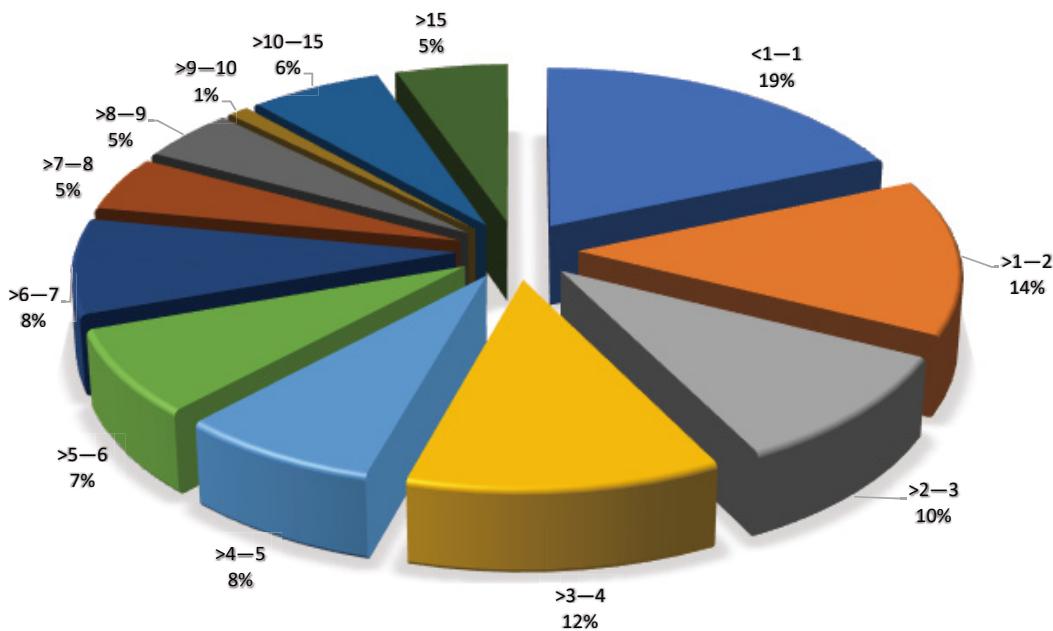
ковых в поселении было несколько — не обозначено никаких выплат. Однако это не означало исключения из налогоплательщиков навсегда. Чиновник каждый раз оценивал состояние индивидуального хозяйства и определял его платежеспособность.

Мной подвергнуты группировке записи о налогообложении в 97-ми поселениях Куркиёского погоста [18: 414—441]. В них оказалось 914 дворохозяйств, главами 789-ти из них являлись крестьяне, в остальных проживали бобыли. Подтверждением выше сформулированного наблюдения о включении в налогообложение при изменении хозяйственной ситуации в каждом отдельном дворохозяйстве является то, что некоторые из бобылей (20 человек) тоже несут бремя выплат, хотя и в размере не слишком значительных сумм: 25—50 денег, иногда рубль, совсем редко — два рубля. Однако и среди крестьян имелись лица, платившие налог в столь же малом объёме. И нельзя сказать, что таковых были единицы. В целом, 150 глав домохозяйств (19%) из 809 налогоплательщиков Куркиёского погоста вносили в казну шведского короля суммы, не превышавшие одного рубля. Ещё 112 (14%) — платили налог до двух рублей включительно. Таким образом, хозяйственная состоятельность трети (33%) обитателей этой части Кексгольмского лена была далека от процветания.

Понятно, что никак не приходится предполагать в шведских чиновниках, отвечавших за оценку каждого двора с точки зрения его платежеспособности, склонности к попустительству или готовности пренебречь интересами казны. Особенно, учитывая время составления документа. Королевство Густава II Адольфа в 1630 г. активно включилось в длившуюся с 1618 г. Тридцатилетнюю войну. Выглядит уместным процитировать сакриментальное замечание финляндского историка Антти Куйала (Antti Kujala):

«Финансовые потребности политики великой державы были практически безграничными, в стране не было места для пассажиров: налогообложение и другие поборы в завоёванных провинциях возросли...» [30: 161].

Впрочем, диаграмма, составленная мной по данным налогового реестра 1631 г., свидетельствует об очень существенной разнице в налоговых выплатах, в чём нельзя не видеть значительной имущественной дифференциации обитателей деревень в окрестностях древнего Кирьяжа.

Соотношение объёмов налоговых выплат обитателей Куркиёского погоста по данным за 1631 г.
(суммы в основе группировки — в рублях) Составлено по: [18: 414—441].

В то время как налоговые оклады третьей части налогоплательщиков погоста не превышали двух рублей, ещё столько же из них (30%) платили в казну королевства до пяти рублей включительно. Однако каждый десятый (11%) из дворохозяев Куркиёкского погоста должен был вносить суммы, вдвое и втройе более значительные. При этом половина из этих — наиболее состоятельных крестьян — платили налог, превышавший 15 рублей. Среди них были и такие, чьи хозяйства были обложены налогом большим, чем 20 рублей (12 человек); 33 рубля вносили в казну Оксентейко Данилов (*Oxentiko Danilof*) из деревни *Sickola*. Выплаты ещё одного из жителей погоста — Ондрюшки Иванова (*Ondruska Iuanov*) из деревни *Kesualax* — составляли чрезвычайную по тем временам сумму: 50 рублей.

Благодаря тому, что в налоговых реестрах присутствуют имена ответственных налогоплательщиков, их значимость в генеалогическом поиске трудно переоценить. Кроме того, эти документы донесли до нашего времени немало попутных сведений о социально-экономической ситуации, хотя и чрезвычайно лапидарно зафиксированных из-за табличного формата, которому следовали шведские чиновники.

Следует охарактеризовать немного подробнее и содержательный потенциал «списка дымов» 1590 г., о котором упоминалось выше. Привлечение этого документа здесь носит попутный характер, так как он заведомо неполон: *a priori* содержит информацию только о хозяйствах, с которых удалось собрать налог в указанном году, не упоминая обитателей большей части поселений, имена которых единственно важны в предпринятом исследовании. Тем не менее, данный источник не может быть оставлен без внимания. Прежде всего, потому, что следует убедиться: находилось ли место проживания прародителей изучаемого крестьянского рода среди запустений спустя десять лет после того, как шведы захватили Корельский уезд. Кроме того, приходится указать, что в новейшей историографии имеет место неверное истолкование сообщаемой «списком дымов» исторической информации.

Во-первых, формуляр этого документа не позволяет считать его переписной книгой, как заявлено в недавно опубликованной статье М. И. Петровой [12: 81]. Хотелось бы подчеркнуть, что автор чрезвычайно уважаема мной за безусловные достижения в актуализации и популяризации истории древнего Кирьяжского (Куркиёского) погоста, более чем убедительно представленные в интернете [6]. Выглядит, что М. И. Петрова позаимствовала термин «переписная книга» у ошибочно применившего его А. Ю. Жукова. Так же неверно определены А. Ю. Жуковым формуляры и других источников, которые обсуждаются в данной статье [5: 76—77]. Следует понимать, что переписные книги XVII века держат в фокусе внимания обитателей дворов мужского пола, причём, всех, включая детей, а вовсе не только ответственных налогоплательщиков, как составленные шведской администрацией в 1618 и 1631 гг. и включённые в «белую серию»¹ под архивными заголовками *taakirja*, что переводится как «поземельная книга», описания. Как уже показано выше, информативная составляющая этих документов соответствует формуляру налогового реестра, в котором поимённо перечислены субъекты-налогоплательщики.

Тем более, не является переписной книгой «список дымов» 1590 г., содержащий сведения о ситуации взимания налогов в указанном году в четырёх погостах: Куркиёкском, Сердобольском, Иломанском и Соломенском. Заметим, кстати, что, вопреки мнению А. Ю. Жукова о неизменности административного устройства вплоть до 1618 г. [5: 76], уже этот текст — тремя десятилетиями ранее — обнаруживает на территории древних погостов Задней Корелы под властью шведов более дробную административную систему выставочных церковно-приход-

¹ См. рец. М. А. Бранча (*Branch*), профессора Школы славянских и восточно-европейских исследований Лондонского университета [24].

ских центров. Описание в 1590 г. структурировано внутри погостов по часовенным округам (*cappell geld*) с перечислением всех поселений в пределах каждого из них¹ (Табл. 1.). В первой части — с поимённым упоминанием ответственных налогоплательщиков. Во вторую часть включены суммированные (опять же по деревням внутри часовенно-приходских сообществ) сведения о том, что было «пусто» в свете налогообложения: о домохозяйствах, монастырях, рыбных ловлях и мельницах [18: 265—282].

Таблица 1.

Административно-территориальное устройство и включённость в налогообложение по «списку дымов» 1590 г.*

Погосты	Приходы	В налогообложении		Вне налогообложения	
		поселения**	домо-хозяйства	поселения**	домо-хозяйства
Куркиёкский	8***	23	80	75	1095
Сердобольский	5 ^{4*}	38	104	94	709
Иломанский	5 ^{5*}	41	155	56	715
Соломенский	не указ.	0	0	16	430
ИТОГО	18	102	339 (10%)	241	2949 (90%)

*Составлено по: [18: 265—282]. ** Суммировать поселения, включённые в налогообложение с числившимися «впусте» для получения общего количества не следует, так как некоторые из тех и других учтены в обеих частях документа. ***Kurchiochi, Lapinlax, Migli, Diurala, Weijelä, Sammat Lambi, Wggu Niemi, Tyrie, Sorola . ^{4*}Odzas, Möldzälä, Kitehes, Suistama, Imbilax, Sää Jerfui. ^{5*}Jlimans, Pelchi Jerfui, Säfuanlax, Tohmaierfui, Lipelis, Lexa, Repala. NB названия часовенных приходов приведены в строгом соответствии с источником.

Категоричные суждения о степени разорения по сведениям, сообщаемым «списком дымов», вряд ли возможны. Выше уже шла речь о том, что В. Салохеймо не сомневался: в некоторые районы уезда чиновники вовсе не попадали из-за сопротивления проживавшего там населения. Именно этим он объясняет то, что Соломенский (*Salmis*) погост упоминается только во второй части документа: там, где перечислены запустения. Сопротивление попыткам чиновников установить налоговый оклад доходило до вооружённых столкновений, как это случилось по утверждению В. Салохеймо в волости Лиекса Иломанского погоста:

«жители которой во главе с прославленным руководителем Лукой Ряйсяненом отбили все попытки шведских властей» [18: 263].

Можно добавить к этим наблюдениям и другие факты подобного рода, очевидные при анализе документа. Выглядит, что и в Реболы (*Repola*) того же погоста, где числилось 140 якобы «запустевших дымов» (*ödes röcher*), чиновникам, проводившим оценку состояния хозяйств с целью налогообложения, попасть не удалось. В пределах Куркиёкского погоста такие местности тоже имелись: Терву (*Terwo*) и Сорола (*Sorola*), в каждой из них числилось по четыре деревни, с более чем полутора сотнями налогооблагаемых объектов — «дымов» (77 и 81 соответственно), обитатели которых не платили налоги в 1590 г.

Во-вторых, абсолютно неверно употребляется в статье М. И. Петровой понятие «дом». Это буквально бросается в глаза в составленной ею таблице [12: 82 (табл. 1)]. Следовало иметь в виду, что документ не случайно представлен в предисловии с уточняющим названием:

¹ Ср. с двумя утверждениями А. Ю. Жукова, посвятившего исследованию вопроса специальную статью:
1) «Так, переписная книга Кексгольмского лена ... 1590 г. ... представляет только три погоста — Кирьяжский, Сердобольский и Иломанский, членение которых идентично русскому административно-владельческому делению»;
2) «Уже первая шведская переписная книга 1618 г. ... фиксировала сразу 14 погостов Задней Корелы, которые возникли в результате членения четырех ее погостов «образца» XV—XVI вв. на выставки-волости» [5: 76, 77].

«список дымов» [18: 261—263]¹. Подчеркнём, что промежуточные итоги в его первой части всегда подведены под словом *röker*, производным от *rök*, что означает «дым» [18: 265—267, 269—272, 274]. В употреблении данного термина отразилась архаика шведской системы взимания налогов: издревле налогоблагаемыми объектами были очаги. Первоначально колективным налогоплательщиком за каждую податную единицу являлись люди, питавшиеся «за одним столом» — тем, что готовилось в печи с дымовой трубой. В XVI веке «дым» уже предстаёт вполне абстрактной налоговой единицей, за которой мог быть целый ряд жилищ (хоромы, избы, клети, соотносимые со словом «дом») — место обитания родственного коллектива из двух, а то и трёх малых семей — дворохозяйство, обитатели которого совместно платили фиксированный налог. Естественно, что в реестре присутствуют имена только ответственных налогоплательщиков: «держателей дымов» (*besittne röker*).

В-третьих, верно отметив неоднозначность пометы «пусто» (*ödhe*) в шведской документации [12: 81], М. И. Петрова тем не менее контаминирует этот термин, заменив его словом «пустошь», как в тексте, так и во всех таблицах. Тогда как «пусто» в глазах шведского собирателя налогов могло вовсе не означать тотального и давнего запустения, что, безусловно, подразумевается понятием «пустошь». Какая-то часть не способных нести бремя налоговых выплат обитателей крестьянских дворов (обедневшие или разорившиеся), равно как отказавшиеся платить налоги (вплоть до вооружённого сопротивления власть предержащим) вполне могли проживать в своих хозяйствах, как показано выше при анализе книг 1618 и 1631 гг. Опрометчиво полагая, что «дым» и «дом», «пусто» и «пустошь» — взаимозаменяемые понятия, М. И. Петрова допускает несколько ошибочных истолкований документально отражённой исторической реальности, и в конце концов — явную несуразность: анализирует «соотношение домов и бобылей в период с 1637 по 1696 год» [12: 87 (табл. 7)]. Возникает закономерный вопрос: что даёт суммирование домов и бобылей, да ещё и с отслеживанием изменений в их процентном соотношении по четырём временным срезам? (!)

Завершая представление «списка дымов» 1590 г., нельзя умолчать ещё об одном наблюдении. Среди глав домохозяйств — налогоплательщиков, которые перечислены в документе (а таких, как ясно из таблицы 1, было всего 10% из потенциально возможных) — имена абсолютно подавляющего большинства выглядят как имена лютеран. При всей относительности верификации данного утверждения, тем не менее, во всех других проанализированных документах, тоже составленных шведскими чиновниками, в перечнях очевидно преобладание имён православного происхождения. Возможно, конечно, предположить субъективное вмешательство составителя «списка дымов», который переиначил имена православных крестьян-карелов с русского звучания на шведский лад. Так, налогоплательщики в центральном поселении Куркиёского погоста (*Kurkiöchi by*), с которого начинается список, записаны как «*Hilippa Elexiesson, Makaria Jeschuss(on), Oxendie Danielss(on)*» [18: 265]. Было бы большой наряжкой видеть в них зафиксированные в латинице имена формата российских документов того времени: *Filipka Alexeef, Makarka Jeshuef, Aksenteika Danilof*. Также остаётся неясным кем внесены «наращения» фамильных прозваний (отчеств) упомянутых крестьян — автором документа или редактором-составителем, который, готовя текст к опубликованию, обозначил вмешательство не в квадратных скобках, а в круглых. Впрочем, ни то, ни другое не исключает следующего объяснения: налогоплательщики в 1590 г. — пришлые лица, лояльные шведской власти лютеране, в то время как местные крестьяне-карелы ещё и спустя десять лет после захвата территории шведами не смирились с необходимостью платить налоги шведскому королю.

¹ Далее цитата: (фин.) «Savuluetteloista on valittu täydellisin, vuonna 1590 laadittu», в переводе: «Из списков дымов отобран наиболее полный, составленный в 1590 г.»

Впрочем, в том, что катастрофическое запустение имело место как минимум за двадцать лет до времени составления рассматриваемого документа, сомневаться не приходится. Переселенцы-лютеране занимали не разорённые дотла, а нередко вполне пригодные для обитания, оставленные прежними хозяевами, дворы, сделавшись им на смену «держателями дымов». Неясной остается лишь степень преодоления кризиса к началу 1590-х гг. В этой связи возникает вопрос: в каком состоянии пребывал созданный поколениями человеческой деятельности ландшафт после того, как обитатели деревень под давлением обстоятельств вынуждены были их покинуть?

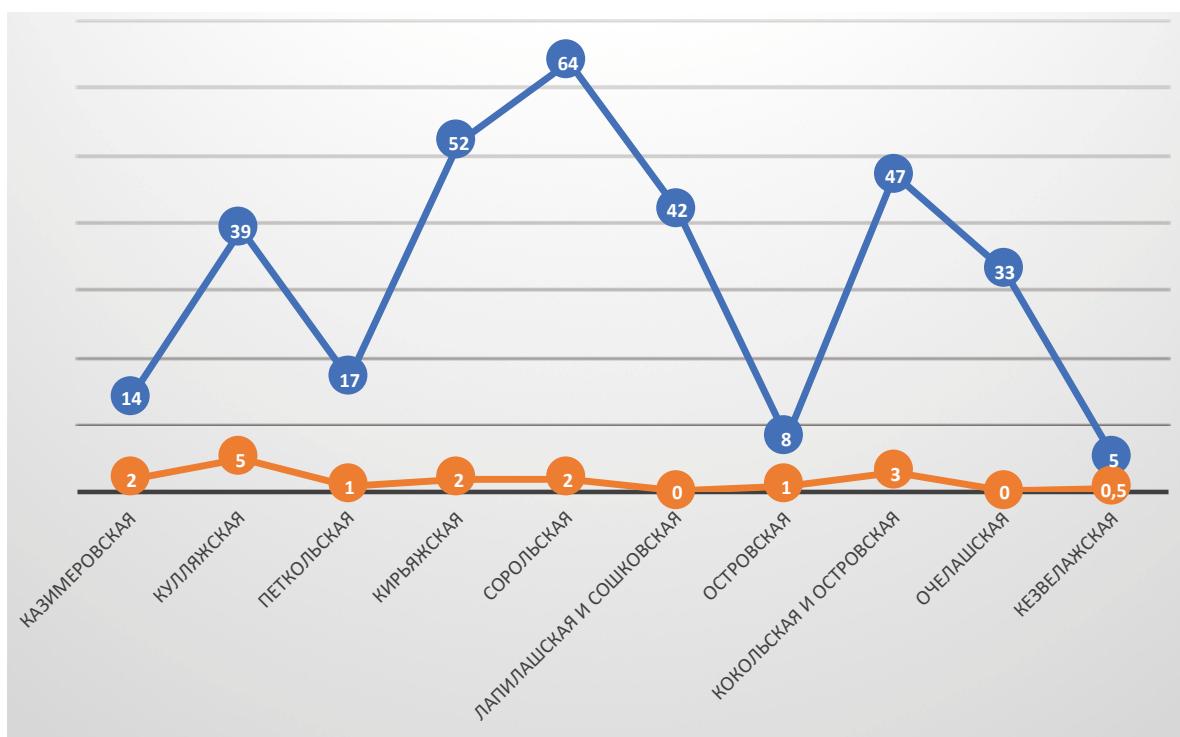
В данном контексте уместно обратиться к ещё одному историческому тексту, оказавшемуся неожиданно важным в представляемом в данной статье исследовании генеалогического плана. Речь идёт об опубликованном Д. Я. Самоквасовым в числе документов Поместного стола Новгородской съезжей избы XVI века «Обыске 21 марта 1571 г. опустевших крестьянских жеребьев в переварах черных крестьян Кирьяжского погоста Вотской пятины» [15: 59—125].

Сразу отмечу, что вывод о тотальном разорении, постигшем западное Приладожье задолго до того, как там появились вооружённые отряды под предводительством шведского военачальника Понтуса Делагарди, а также о вызвавших его причинах внутригосударственного порядка, был сделан мной в вышедшей более двадцати лет назад монографии на основании этого и сопутствующих ему в том же издании документов:

«... отток населения из Корельского уезда, традиционно объясняемый в отечественной историографии разорительными вторжениями шведов, имевшими место в последней трети XVI века, начался, по нашим наблюдениям, гораздо ранее. Как показывает анализ известных нам источников, уже к середине столетия первые группы автохтонного карельского населения покинули освоенные поколениями предков земли и родные деревни в Приладожье, принужденные к этому, по-видимому, ужесточением преследований за приверженность язычеству. Неотложность и чрезвычайная жесткость новой церковной политики, недвусмысленно изложенной в грамотах новгородских архиепископов Макария (1534 г.) и Феодосия (1548 г.) и ставившей целью неумолимое искоренение «куммирской прелести» — традиционных, языческих в своей основе верований и обрядов — вполне объяснима: на Руси осознали неостановимый характер европейской Реформации и полагали весьма опасными для православия происходившие в католической Европе перемены. Чуть позднее — в конце 1550-х и в начале 1560-х гг. карелы будут уходить из Приладожья из-за ставших в значительной мере бесконтрольными после реформы местного самоуправления налоговых сборов, а ещё позднее — во второй половине 1560-х и в начале 1570-х гг. они побегут от опричников Ивана Грозного, разорявших их хозяйства в стремлении любой ценой получить ожидаемые царской казной подати...» [19: 28].

Можно не сомневаться, что нападение извне на северо-западную российскую периферию было существенным образом спровоцировано обезлюдением множества дворохозяйств и целых местностей. Дополняя подытоженные мной в монографии наблюдения о степени случившейся в западном Приладожье социально-демографической катастрофы [19: 27—28], приведу здесь график, основанный на табличных выкладках Д. Я. Самоквасова. Как видим, о платежеспособности обитателей ни одной из десяти перевар Кирьяжского погоста в начале 1570-х гг. просто не приходится говорить. На первый взгляд наиболее драматичной выглядит ситуация в Сорольской переваре, где количество сох¹ сократилось с 64-х до 2-х (в 32 раза).

¹ «Во всех оброчных крестьянских владениях низшую податную единицу составляла обжа, а три обжи составляли соху — высшую податную единицу; в рядах же, населённых сельскими ремесленниками и купцами, низшую единицей податного обложения был двор, равный обже. А лук был “писан за обжу”» [15: 28].

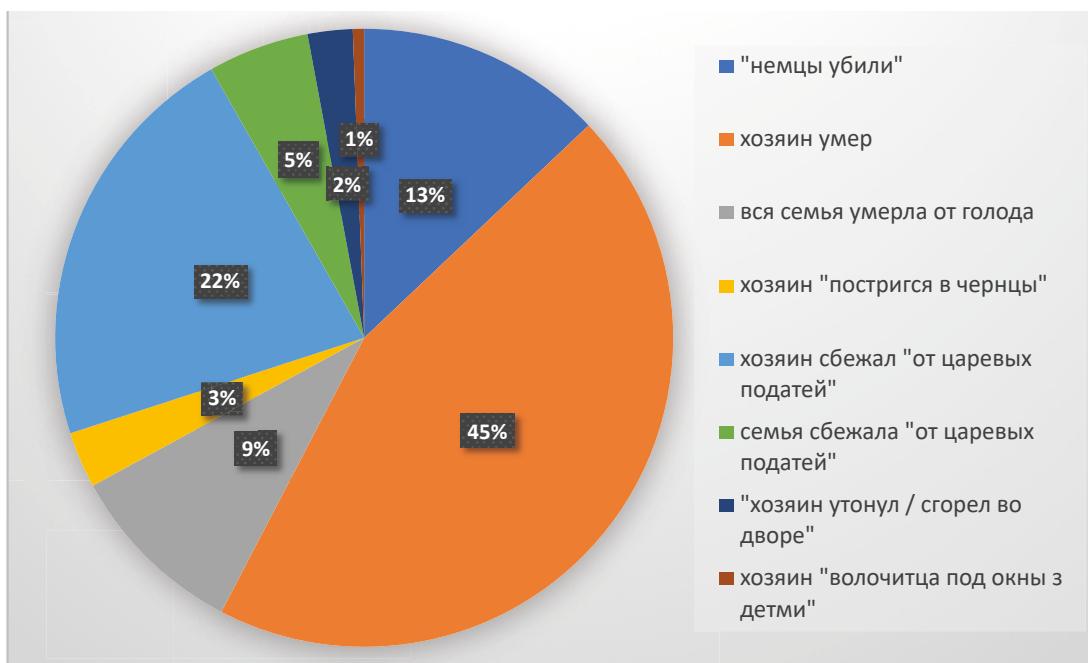

Количество налогооблагаемых сох в переварах Киряжского погоста по сведениям за 1500 и 1571 гг. Составлено по: [15: 35—36]

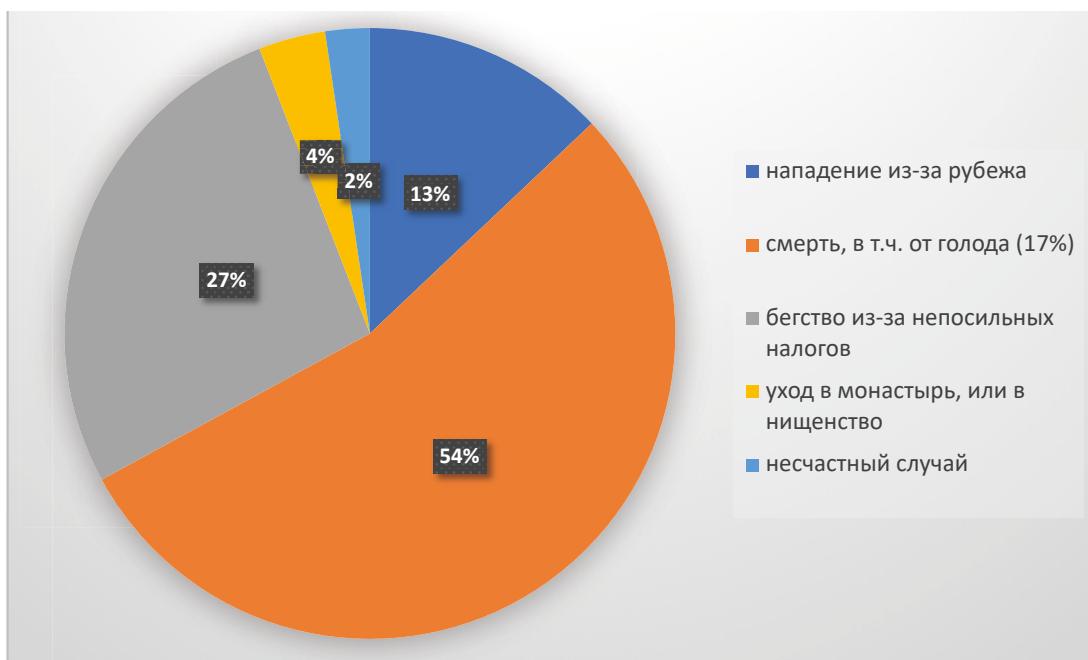
Однако ещё более пострадали в результате недальновидной политики центральной власти жители двадцати деревень Лапилашской-Сосковской перевары, где из 42-х налогооблагаемых сох 1500 г. не осталось ни одной и где в результате обыска 1571 г. было зафиксировано поистине тотальное запустение.

Ситуация в глазах центральной власти выглядела настолько неправдоподобной, что потребовалось тщательное расследование причин значительной недостачи налоговых выплат, которые должны были быть собраны и доставлены «излюбленными головами» ежегодно на Рождество в Великий Новгород. В Киряжский погост по наказу дьяков Данилы Микулина сына Бортенева и Никиты Юрьева сына Щелепина отправилась комиссия во главе с Фёдором Калитиным, которому в помощники были назначены Олексей Плаковский «с товарыщи». К её деятельности, помимо прибывших из центра чиновников, привлекались священники, старосты и другие представители местной земской власти. Благодаря тому, что пять священников, двое старост, целовальник, а также более 20-ти выборных ответственных лиц (сотские, пятидесятские, десятские) и множество привлечённых волостных крестьян, отвечая «по священству» и «по крестному целованью» на вопросы: «что в вашем погосте пустых деревень, и сколь давно и от чего запустили тия деревни, и от кого, и что ... рек, и озер, и прудов, и перевесок, и мельниц, и рыбных и бобровых ловель, и иных угодий...», не только назвали поимённо всех бывших владельцев запустивших луков, но вспомнили что именно случилось с каждым бывшим хозяином каждого заброшенного двора, мы имеем полный спектр причин запустения, и даже можем судить о его этапах.

Поскольку именно в Лапилашской-Сосковской переваре Киряжского погоста удалось обнаружить наиболее ранние дополнения к фамильному древу Якушевых, я предприняла группировку установленных в ней обыском причин запустения. Далее приведены графики, отразившие «расклад» причин: в первом — в точных формулировках документа, во втором — в обобщённом виде.

Судьбы крестьян, выбывших из налогообложения в Лапиашской-Сосковской переваре Кирьяжского погоста в 1527—1571 гг. Составлено по: [15: 111—120]

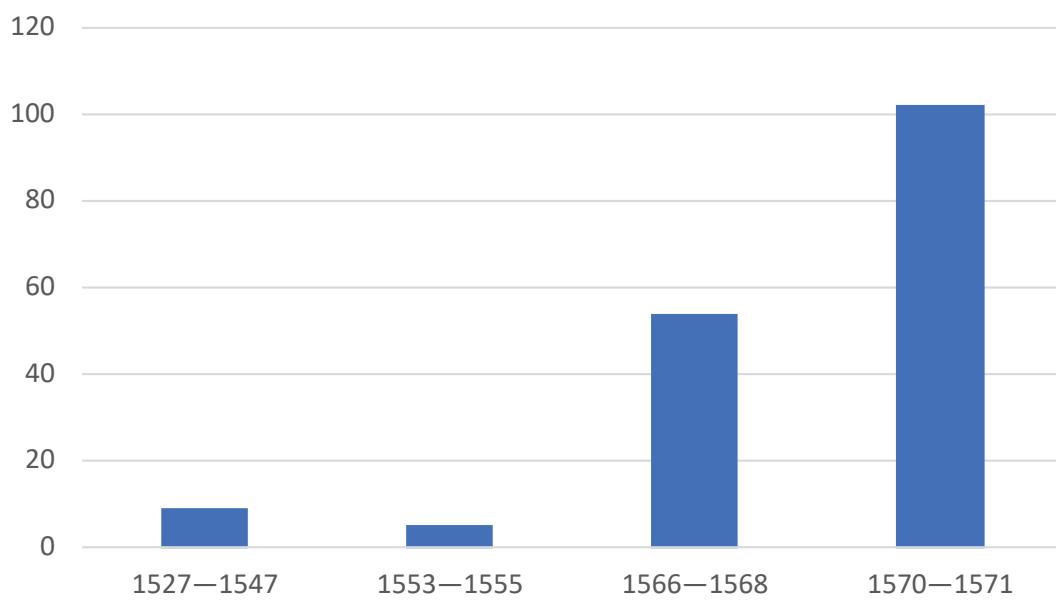

Причины запустения в Лапиашской-Сосковской переваре Кирьяжского погоста в XVI веке (1527—1571 гг.) Составлено по: [15: 111—120]

Таким образом, по свидетельству очевидцев, только для 13% домохозяйств причиной разорения стали вражеские рейды извне государства («немцы убили»). В два раза больше было дворов (27%), чьи хозяева (в каждом четвертом случае — вместе с семьёй) сбежали из-за непосильных налогов («от царёвых податей»). Однако наибольшую долю причин запустения создала смерть: либо хозяина двора (45%), либо всей семьи (9%). Причем, нередко указано, что хозяин и его жена, или хозяин, его жена и дети умерли от голода. В истоках этой причины, несомненно — чрезвычайное обеднение хозяйств из-за налогового бремени, когда приходилось отдавать в счёт выплаты налогов жизненно необходимые продуктовые и денежные сред-

ства. Всего 3% причин падает на уход в монастырь («хозяин постригся в чернцы»). Можно думать, что не только чрезвычайная бедность, но и индивидуальные ментальные ориентации могли играть роль в подобных ситуациях. Впрочем, гораздо более представимо, что крестьянин искал в пострижении в монахи спасения от безысходности. Ещё менее заметны в общем спектре причин несчастные случаи — всего 1-2% («утонул на ловле», «сгорел во дворе»).

Немаловажным для обыскной комиссии являлось и установление времени запускения. Приведённая в процессе подготовки данной статьи группировка указанных при описании каждого разорившегося дворохозяйства дат, указанных в обязательной клаузуле формуляра документа: «запустил [в таком-то — И. Ч.] году» показывает очевидную концентрацию в четырёх периодах.

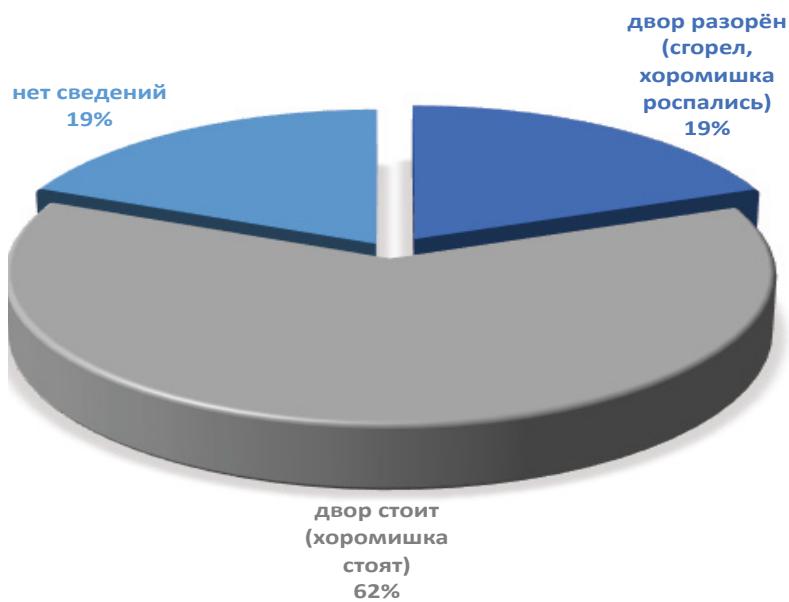
Периоды разорения дворохозяйств в Лапилашской-Сосковской переваре Кирьяжского погоста по материалам обыска 1571 г. Составлено по: [15: 111–120]

В целом с конца 1520-х по начало 1570-х гг. только в данной переваре запустило 158 луков. Их владельцы/держатели — 170 крестьян¹ — выбыли из налогообложения вовсе не одновременно. Наибольшее количество разорений пришлось на два периода: 1566—1568 гг. (32%) и 1570—1571 гг. (60%). Трудно не заметить: в то время как устоявшееся в историографии объяснение запустения западного Приладожья, частью которого являлся Кирьяжский погост, сводится к вторжениям военных отрядов из-за границ государства, на самом деле убыль налогоплательщиков «от немецкой войны/от немец» отразилась в представленном графике преимущественно в первых двух периодах: 1527—1547 гг. и в 1553—1555 гг. Конфигурация графика говорит сама за себя. За двадцать лет с последней трети 1520-х до последней трети 1540-х гг. «запустили» хозяйства по данной причине пятеро крестьян в деревне Ребокюля, трое в Угонеме и один в Соскове; в середине 1550-х гг. — ещё пятеро жителей деревень Ыярва, Боранова Вара и Ыгалов Ручей; в записях за 1566 г. обнаружилось ещё семь случаев запустений из-за того, что «немцы убили и двор сожгли» (в деревнях Копена на волоке, Равняла в Соскове, Унгонима и Ыярва) — всего 21 (12%). Таким образом, совершенно очевидно, что непреодолимую проблему создала внутренняя политика государства: 88% разорившихся дворохозяев перестали платить налоги по причинам, сохранённым документом в следующих формули-

¹ Количество налогооблагаемых луков и взрослых крестьян-налогоплательщиков в данном случае не совпадает потому, что некоторые из них несли ответственность за выплату налогов не с целого лука, а лишь с его части.

ровках: «збежал безвесно от царёвых податей», «збежал с семьёй от царёвых податей», «збежал, одолжав, безвесно», «збежал безвесно от голода», или «умер», «з женою умер з голода», «з голода умер и з детми».

Подтверждение выше прозвучавшему замечанию о том, что множество оставленных разорившимися обитателями дворов были вполне пригодны для ведения хозяйства занимавшими их при шведах новыми поселенцами, даёт анализ записей, сохранённых ещё одной обязательной клаузулой в материалах обыска Фёдора Калитина. То, что комиссия отмечала состояние дворов в лапидарных, но весьма красноречивых констатациях, позволило сделать группировку.

Состояние запустивших дворов в Лопухинской-Сосковской переваре к началу 1570-х гг.

Составлено по: [15: 111—120]

Как видим, далеко не все из покинутых мест обитания карельских семейств были отмечены однозначными фразами типа: «двор сгорел», «двор немцы сожгли», «дворишко роспалось». Нередко заключения о состоянии сохранившихся построек имеют более информативный характер: «хоромишка стоят», «хоромешек стоит клетишко да хлевишко / избушка да клетишко / избенко да клетишко да хлевишко / рига и мыльня / хлевишко да рига». Понятно, что эти и подобные характеристики строений не создают оптимистичного впечатления о покинутых местах обитания. Следует, впрочем, делать поправку на специфику языка деловых документов того времени. Однако были обнаружены и другие дворы, в которых стояло по две, по три, даже по четыре «хоромины». Таким образом, даже имея в виду, что о 30 дворах никакой информации нет, а ещё 31 двор перестал существовать, всё же 100 дворов (62%) были оставлены в приемлемом для размещения новых обитателей состоянии.

В том, что даже в ситуации обнаруженного комиссией Фёдора Калитина чудовищного разорения отдельные хозяйства в начале 1570-х гг. сохраняли жизнеспособность и потенциал развития, убеждают ещё несколько опубликованных Д. Я. Самоквасовым документальных текстов, свидетельствующих, что крестьяне продолжали брать на оброк сенокосные пожни, осваивать пустоши, и даже возводили новые мельницы.

Поскольку, как станет ясно далее, один из прародителей рода Якушевых был мельником из деревни Савоя, в поисках информации об уровне благополучия его семейства в период едва ли не тотального запустения я проанализировала «книги оброчные мельничные» [15: 387—391] в той части, которая касается Кирьяжского погоста [15: 388—390]. Всего на речках и ручьях на

его территории в начале 1570-х гг. обыскная комиссия обнаружила 21 мельницу. Многие из них являлись комплексными сооружениями, так как состояли из двух механизмов: «мелеи»¹ и «толчей»², расположенных в суммарный оброк. В ходе обыска выяснилось, что пять мельниц являлись заброшенными. Однако налицо и объекты, которые «преж сего в оброке не бывали», их владельцы только что «порядились» платить в казну установленные суммы. Их наличие, а также то, что с 16-ти мельничных объектов продолжали бесперебойно поступать оброчные платежи, означает востребованность мукомольно-крупяного промысла. Следовательно, в окрестностях этих мельниц продолжалась жизнь, и обитатели уцелевших дворов производили зерновой хлеб, который доставляли на мелеи и на толчей для помола и/или дробления, в достаточном количестве, чтобы они оставались действующими.

Согласно шведской рисованной карте 1646 г. (см. с. 96) на реке *Sawiâia fl[od]* (устар. Сосковская, соврем. Соскуанийоки) в середине XVII века стояли четыре мельничных сооружения. Приведём их изображения, скопированные с карты, в порядке расположения снизу вверх, то есть, против течения реки.

Изображения мельниц, стоявших на реке Соскуанийоки
в середине XVII века [26]

Наибольшее внимание привлекает мельница, находившаяся неподалеку от пересекавшего реку моста при одноимённом названию реки селении *Sawiâia* (поз. 3). В отличие от других, она показана на левой стороне. По всей вероятности, это то же самое сооружение, в силу конкретных топографических условий расположенного по правому берегу, а не по левому, как все другие мельницы в Кирьяжском погосте, насчёт которого в оброчной мельничной книге, составленной за 75 лет до появления рассматриваемой карты, отмечено как раз данное обстоятельство: «мельница толчая на реке на Сосковской по левой стороне»³ [15: 388]. Любопытно, что оброк с этой толчей был заметно выше, чем с остальных толчей, действовавших в Кирьяжском погосте в начале 1570-х гг. Он составлял 21 деньгу, в то время как с других аналогичных объектов, то есть, действовавших не в комплексе с мелеями, а сами по себе: в Сорольской переваре на Сиговой речке, в Кезвелашской переваре на речке Кезвелакше и на ручье, их владельцы платили всего по 13 денег. В подкрепление наблюдения о том, что оброк с данной толчей на Сосковской речке был высоким, обращаю внимание, что даже с полных мельничных комплексов их владельцы платили сплошь и рядом гораздо меньше. Так, оброк с мелеи и толчей, действовавших на Иголове ручье (Сорольская перевара) составлял девять денег, на речке Илмее (Кокольская перевара) — семь денег — втрое меньше, чем платили владельцы толчей, стоявшей при деревне *Sawiâia*. Правда, были и другие, гораздо более прибыльные мельничные

¹ **Мелея** — механическое устройство с жерновами для измельчения сыпучих тел, особенно зернового хлеба, в муку.

² **Толчяя** — механическое устройство для дробления чего-либо, мельница ударного действия (крупорушка).

³ Составитель документа под левой стороной имел в виду не левый берег реки, а то, что оставалось слева по направлению его движения в ходе описания, с юга на север против течения реки.

объекты. Самыми значительными из них, судя по величине оброчных платежей, являлись всё ещё действовавшие в марте 1571 г. несмотря на чудовищное разорение, постигшее Кирьяжский погост, мельница на Сосковской речке в Сосковской переваре и ещё одна, на той же речке в Очелажской переваре, владельцы которых платили в казну 80 и 63 деньги соответственно. Все эти наблюдения позволяют предположить, что разорение, предшествовавшее захвату западного Приладожья шведами, столь очевидное по представленным выше документам, не коснулось предков рода Якушевых, поиску которых посвящена данная статья.

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ИМЁН

Но вернёмся к опубликованному Д. И. Якушевым генеалогическому древу восстановленного им рода. Нулевым поколением в нём присутствуют три брата: Гришка Зуев, Фомка Зуев и Сенка Зуев [21: 90].

Фактически, в переписной книге 1678 г. упомянуты четыре семейства Зуевых: в деревне Загубье — захребетник Фомка Зуев с сыном Михалкой пяти лет; в деревне Авдеевской — бобыль Сенка Зуев с сыном Тимошкой трёх лет, у него же захребетник Гришка Зуев с 12 летним сыном Таракской. Один из братьев бобыль, двое других в захребетниках: первый — во дворе Ларки Плаксина, второй — у собственного брата. Подчеркнём, что у него же — можно думать, более состоятельного, чем два других брата — Сенки Зуева во дворе ещё четверо захребетников: братья Фёдоровы (Васка, Федка, Гришка, Крисанко), только одному из которых, старшему, больше 15 лет.

Захребетник — по определению человека, не способный платить налоги («тянуть тягло»¹), чаще всего — подселец из вновь пришедших в деревню. Если бы захребетниками были старики, можно было бы предположить осложненные жизненные обстоятельства местных уроженцев, овдовевших к старости и бездетных. Но захребетники Зуевы — молодые мужчины с малыми детьми и подростки. Это наводит на мысль, что они — люди пришлые, пытавшиеся прижиться во дворах, которые, возможно, в виде каких-то заброшенных хозяйств прежних обитателей здесь еще оставались.

Немаловажно иметь в виду следующее. Деревня Загубье (Губская — с нач. XVIII века) столетием ранее запустела и вплоть до конца XVII века именовалась «пустошью», либо «деревней», что была пустошь». Обитатели в ней появились к середине 1640-х гг. Спустя тридцать лет (по переписи 1678 г.) из шести дворов в четырёх — совершенно новые имена. По переписной книге 1707 г. здесь опять всего один обитаемый двор. Похожая ситуация и с деревней Авдеевской: новые жители, чьи имена не соотносятся с ранее проживавшими дворовладельцами. И тоже практически в каждом дворе — захребетники. Искать в описаниях этих деревень отцов и дедов Гришки, Фомки и Сенки Зуевых по предшествующим описаниям не выглядит многообещающим. Всё говорит за то, что братья с детьми и племянниками появились на Купецком озере незадолго до составления переписной книги 1678 г.

Помня о том, что фамильное прозванье Зуевых, каково бы ни было его происхождение, увеличивает шансы в поисках их предков в документах раннего нового времени, так как является чрезвычайно редким, я решила внимательно изучить перечни имён в «поземельной» книге Кексгольмского лена 1637 г. Напомню, что документ был составлен под властью шведов на двух языках: шведском и русском. Это, конечно, создаёт дополнительные возможности для решения поставленной задачи.

¹ **Тягло** — совокупность трудовых повинностей, податей и разных платежей общегосударственного и местного значения (в натуральном или денежном выражении [16]. Тянуть тягло — выполнять все повинности, платить поземельный налог в казну и/или в пользу землевладельца за сельскохозяйственную деятельность на земле, находящейся в государственном кадастре; то же, что «быть тяглым», «держать тягло» [3: Т. 4. С. 898—900].

В поселении Шавоя (швед. *Sawoia By*) Куркиёкского погоста удалось обнаружить четырёх братьев, в фамилии которых очевиден отзвук искомого прозванья из российской переписи 1678 г. Приведём их имена в точном соответствии с написанием в документе (Табл. 2). Обращаю внимание, что в таблицу включены только те статьи налогообложения, в соответствии с которыми платили налоги братья Збоевы. Так, ни в одном из их дворов не имелось козлов/коз; урожай зерновых в их хозяйствах не исчислялся в бочках, а только в каппах¹; никто из них не занимался промысловым сбором хмеля; они не охотились в торгово-добывающих масштабах, поэтому за ними не числилось охотничьих собак; то же следует отметить насчёт птицеводства и рыболовства (ни у кого из них не было налогооблагаемых тенет, сетей и карбасов).

Таблица 2.

**Братья Збоевы (*Zubaief*) и их статус в налогообложении,
согласно «поземельной» книге Кексгольмского лена 1637 г.***

Имена в описании		Мужчины	Домашний скот (количество)						Хлеб в полях			Хлеб на подсеках		Сено (возы)	Оклад (рублей)	Отдача (копейки)
шведская часть	русская часть		Лошади	Жеребята	Коровы	Нетели	Овцы	Свиньи	Медвь	Рожь (каппы)	бочки	каппы	Рожь (снопы)	Овёс (снопы)		
Fedka Möllner	Фетка мельничник Збоев	— 200	1 200	— 150	2 50	1 50	— —	— —	1 10	— —	1 90	16 к	300 120	100 20	— —	5 140
Zencka Zubaief	Семейка Збоев	1 200	1 200	— 75	1 25	1 15	— —	1 10	16 60	1 60	16 30	— —	— —	1 10	6 85	
Osipka Zubaief	Осипко Петров Збоев	1 200	1 100	— 150	2 125	4 125	— —	1 10	12 45	— —	20 37	100 40	100 20	1 10	6 142	
Gafrillka Zubaief	Гаврилко Петров Збоев	1 300	1 300	— 150	2 150	4 150	2 30	1 10	5 50	24 90	1 75	8 к	1100 440	400 80	2 20	17 —

*Составлено по: [27: 86—87, 494].

Тем не менее, Фетка, Семейка, Осипко и Гаврилко Збоевы, безусловно, не влакили жалкое существование. Исходя из выше сделанной группировки по величине налоговых выплат обитателей Кирьяжского погоста в близком по времени составления данному документу налоговым реестре 1631 г. (см. диаграмму на с. 103), лишь один из них — мельник Фетка Збоев (*Fedka Möllner*) в имущественном отношении принадлежал к числу среднеобеспеченных обитателей погоста (27%), чей налог составлял от трёх до пяти рублей, при этом его ставка была среди самых высоких. Его брат Семейка Збоев и двоюродный, как можно думать, брат Осипко Петров Збоев должны были платить по шесть рублей, что говорит о их нахождении в немногочисленной страте крестьян с жизнеобеспечением выше среднего уровня (8%). Существенно более высоким был оклад Гаврилки Петрова Збоева, с которого причиталось по определению чиновников короны, скрупулёзно оценивших стоимость всего облагаемого налогом имущества, включая домашних животных, а также урожай зернового хлеба (ржь и овёс) в полях при деревне и в разработанных лесных пашенных участках (на подсеках), 17 рублей. Таким образом, будучи собственником лошади, двух коров, четырёх нетелей, овец и свиньи, собрав урожай в 24 каппы основного злака в данной местности — жита (так именовалась рожь в анализируемом документе)

¹ Мера объёма, 32-я часть бочки. В одной каппе считалось 4,6 литра зернового хлеба; в бочке — 146,5 литров. См.: [27: 42].

со своей доли деревенской пашни и имея ещё полторы тысячи снопов, ожидавших обмолота на подсеках (1100 ржи и 400 овса), Гаврилка Збоев принадлежал к весьма немногочисленной (5%) группе наиболее обеспеченного и благополучного местного крестьянства. Налоговые выплаты дворохозяев в этой социальной прослойке составляли от 15 рублей, что в три раза и более пре-вышало платежи среднеобеспеченного крестьянского двора. За шесть последних лет оклад для Гаврилки Збоева возрос ещё на рубль, что подтверждается сопоставлением с фрагментом нало-гового реестра 1631 г., в котором он фигурирует как *Kaurilka Suboief*.

<u>Sawioia</u>		
Mikitka Molotzof	10	
Climko Molotzof	14	
Stepantko Malafiof	11	
Jussi Onofriof	16	
Vlasko Gregoriof		50
Eskell Hendrichsson	2	50
Kaurilka Suboief	16	
Fedorko Suboief	3	50
Borisko Dorofief	6	
Jören Omenof	4	
Jeroiko Iuanof	)	
Larka Matfeof	)	Bobuler
Märthen Jäskeläin	)	
		88

Фрагмент «поземельной» книги 1631 г. с перечнем налогоплательщиков в деревне Савоя (Sawioia) [18: 431]

Любопытно и немаловажно отметить, что лишь один из двух сыновей Петра Збоева (*Petro Suboief*), зарегистрированного в деревне Савоя (*Sawoia*) около двадцати лет тому назад, — Гаврилко Петров Збоев — сумел так заметно разбогатеть. Как свидетельствует демонстрируемый ниже фрагмент ещё одного налогового реестра — 1618 г., его отец был совершенно рядовым налогоплательщиком, чья доля в окладе составляла 2,5, то есть, в два раза меньше, чем платили его соседи Онуфрейко Немчин (*Onufrenko Nemtsin*) и Петр Кузмин (*Petr Kuismin*). Впрочем, были среди соседей и менее состоятельные лица, чем он.

Sawoia	Mikitka Wasilief	1 1/4
	Olliko Leinof	1/2
	Clementi Polukorijle	2
	Antiko Pechkoief	1
	Petro Suboief	2 1/2
	Jwanko Slobodha	2 1/2
	Onufrenko Nemtzin	4 1/3
	Matti Råpon	
	Molotzens Enckia	ödhe
	Marijna Ketzälä Kyros sonakona hemman	ödhe
Luhänwara		
	Sidär Jyries mogh	2 1/4
19		
Suboief mäki		
	Fedorko Suboief	3
	Petr Kuismin	4 1/2
	Kasiana Melnitznik	1 1/2

Фрагмент «поземельной» книги 1618 г. с перечнем налогоплательщиков в деревнях Савоя (*Sawoia*) и Збоев холм (*Suboief mäki*) [18: 309]

В этом же документе обнаружено ещё одно важное имя в контексте предпринятого поиска прародителей братьев Зуевых — Федорко Збоев (*Fedorko Suboief*). Он проживал в небольшом селении рядом с деревней Савоя — Збоев холм (*Suboief mäki*) и платил налог в сумме три рубля. Согласно доступным в данный момент реестрам, его оклад возрос до трёх с половиной рублей к 1631 г. и до пяти рублей к 1637 г.

Я полагаю, что это тот самый Фетка Збоев (*Fedka Möllner*) — один из четверых братьев Збоевых, о ком только что шла речь выше. Выглядит, что он, будучи соседом мельника Касьяна (*Kasiana Melnitznik*), что очевидно из фрагмента реестра 1618 г., либо женился на дочери последнего, либо вошёл в долю и стал участвовать в обслуживании стоявшей поблизости от деревни мельницы-толчей, о которой уже шла речь выше (см. рис на с. 112, поз. 3). Позднее, согласно описанию 1637 г., уже он являлся её полновластным хозяином, так как документ в шведской части не случайно именует его *Möllner*, что в русской части передано тем же словом-транскрипцией из документа 1618 г.: «мельничник».

То, что поселение, пусть и совсем небольшое, впоследствии слившееся с деревней Савоя, какое-то время именовалось по фамильному прозванию братьев Збоевых на финский (северно-карельский?) лад: *Suboief mäki*, наводит на мысль о возможно жившем там каком-то заметном человеке, пользовавшемся известностью и даже авторитетом среди жителей Куркиёкского погоста. И, как это ни покажется невероятным, личность такого плана удалось обнаружить в одном из представленных выше документальных источников. Среди местной выборной администрации: семи сотских¹, имена которых перечислены в составе комиссии, присоединившейся к прибывшему в Кирьяжский погост в 1571 г. для обыска запустений Фёдору Калитину, на первой позиции указан Кузьма Сидоров сын Збой [15: 59]. Вероятно, именно о его потомках и идёт речь в данном генеалогическом исследовании.

Следом за этим именем среди сотских числился Васюк Федоров сын Полукорела. Можно было бы о нём не упоминать, но, кажется, судьбы его потомков тесно переплелись с судьбами потомков Кузьмы Сидорова сына Збоя. Во всяком случае, в «поземельной» книге 1618 г. среди обитателей деревни *Sawoia* был крестьянин Клементий Полукорийле (*Clementi Polukorijle*) [18: 309], в котором трудно не признать сына (или брата) Васюка Федорова с тем же эксклюзивным фамильным прозваньем. Позднее его потомки — Сава и Ескел Клементьевы — вместе с тремя правнуками Кузьмы Сидорова сына Збоя уйдут в Россию и, вероятно, все вместе на какое-то время поселятся в селе Чернецком в Бежецком Верхе. Во всяком случае, помета на против имени *Jwan Pederof* в опубликованном В. Салохеймо списке позволяет такое предположение [34: 59]. Далее, однако, следы этих «корельских выходцев» теряются. По-видимому, из-за того, что шведское правительство активно инспирировало составление списков беглецов, намереваясь обратиться к российским властям с требованием о их возвращении, в местах, где было особенно много корелян, стали распространяться слухи о грядущей опасности быть выданными обратно. Возможно, именно тогда из официальных переписей Бежецкого уезда исчезло село Чернецкое².

Поимённое перечисление всех обитателей деревни Савоя по анализируемым документам представлено в таблице 3.

¹ Сотский — в России XV—XVII вв. выборное (обычно от ста дворов) должностное лицо.

² Ю. В. Степанова, доцент Тверского государственного университета, которая по моей просьбе пыталась найти карелов-мигрантов из куркиёкской деревни Савоя в «Переписной книге корелян Новоторжского и Бежецкого уездов», составленной О. Н. Лихаревым и подьячим Ф. Космыниным в 1669 г., сообщила, что села Чернецкого в этом документе нет, предположив, что оно было расселено в 1668 г.

**Обитатели деревни Савоя (Шавоя, *Sawoia, Sawioia, Sawoia By, Sawijoja by*)
по документам XVII века***

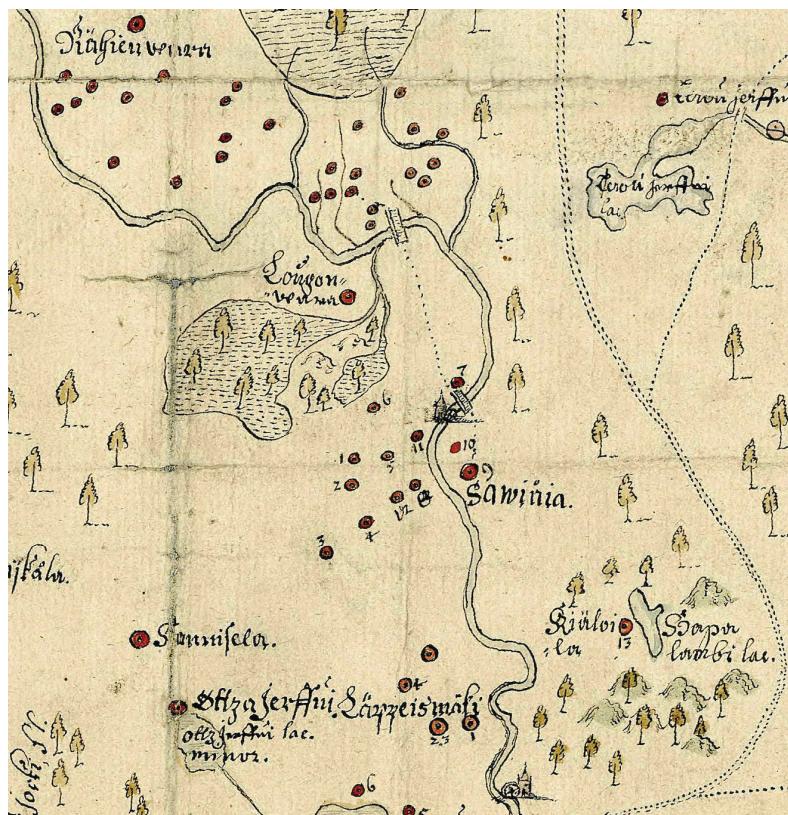
1618		1631		1637			1657		
№	SAWOIA	№	SAWIOIA	№	SAWOIA BY	№	ШАВОЯ	№	SAWIJOJA BY**
1	Mikitka Wasilief	1	Mikitka Molotzof	1	Mikitka Wasilief	1	Микитка Васильев	1	Fedor Pederof (1)
2	Olliko Leinof	2	Climko Molotzof	2	Sauoka Clementief	2	Савка Клементьев	2	Simon Pederof (1)
3	Clementi Polukorijle	3	Stepantko Malafiof	3	Stepasko Melafiof	3	Степашко Малафьев	3	Jwan*** Pederof (4)
4	Antiko Pechkoief	4	Jussi Onofriof	4	Petruska Onophriof	4	Петрушка Онофриев	4	Germanie Dimetriof (3)
5	Petro Suboief	5	Vlasko Gregoriof	5	Marina Ulasiesanckia	5	Марина Власевская	5	Eskel Clementiof (3)
6	Jwanko Slobodha	6	Eskell Hendrichsson	6	Jussi Onophriof	6	Ющийко Онофриев ^{4*}	6	Sawa Clementiof (1)
7	Onufrenko Nemtzin	7	Kaurilka Suboief	7	Fedka Mollner	7	Фетка мельничник Збоев	7	Stepan Malafiof (1)
8	Matti Råpon	8	Fedorko Suboief	8	Zencka Zubaief	8	Семейка Збоев	8	Michel Malafiof (1)
9	Molotzens Enckia, ödhe	9	Borisko Dorofief	9	Osipka Zubaief	9	Осипко Петров Збоев	9	Maxima Timofe[of] (1)
10	Marjna Ketzälä Kyros sonakona hemman, ödhe	10	Jören Omenof	10	Gafrillka Zubaief	10	Гаврилко Петров Збоев	10	Boris Trofimof (1)
	LUHÅNWARA	11	Jeroiko Iuanof, bobul	11	Borisko Darofief	11	Бориско Дорофиев	11	Timo Gregoriof (2)
1	Sidår Jyries, mogh	12	Larka Matfeof, bobul	12	Gorgion Milianof	12	Урянко Омельянов	12	Jwan Mikittin (1)
	SUBOIEF MÄKI	13	Marthen Jäskeläin, bobul						
1	Fedorko Suboief								
2	Petr Kuismin								
3	Kasiana Melnitznik								

*Составлено по: [18: 309, 431]; [27: 86—87, 494; [354: 59]. **В данной графе в скобках показано количество запустивших манталов в связи с уходом обитателей в Россию в 1657 г.; ***Против имени Ивана Федорова (*Jwan Pederof*) помета, что семья находилась в Чернецком (*Sernetz lähn*); ^{4*}В шведской части документа крестьянин Ющийко Онофриев (*Jussi Onophriof*), ошибочно показан жившим в *Lebes Mägi*. Скорее всего, имелось в виду его проживание в части *Sawoia By*, ранее именовавшейся *Suboief Mäki*, которая в русской части документа включена в селение Шавоя.

Сопоставление выявленной исторической информации позволяет сделать следующие выводы: во-первых, в поселении Савоя с конца 1610-х до середины 1650-х гг. обнаруживается стабильный состав обитателей; во-вторых, явственно прослеживается преемственность нескольких родов (назовём их с некоторой мерой условности фамилиями): Клементьевы, Збоевы, Молодцовы, Малафеевы, Дорофеевы; в-третьих, поселение оставалось православным под властью шведов: двое лютеран (*Eskell Hendrichsson, Marthen Jäskeläin*) появились здесь в на-

чале 1630-х гг., но не прижились, хотя некоторое взаимопроникновение культур всё-таки имело место: среди православных имён обитателей появилось заимствованное из лютеранского онамастикона имя Ескел (в роду Клементьевых); в четвёртых, деревня полностью опустела на втором году русско-шведской войны 1656—58 гг.: по свидетельству списка, опубликованного В. Салохеймо обитатели всех 12-ти дворов ушли в Россию в 1657 г.

Как уже отмечалось выше, в данном исследовании существует редчайшая возможность визуализации человеком созданного ландшафта, пусть и в приблизительно-условном формате, благодаря рисованной карте 1646 г. Полагаю вполне уместным сопоставить информацию об обитателях деревни Савоя и их дворохозяйствах в «поземельной» книге 1637 г. с тем, что зафиксировал на художественно выполненной карте неизвестный автор¹. Её увеличенный фрагмент позволяет внимательно рассмотреть несколько поселений в центральной части Куркиёкского погоста.

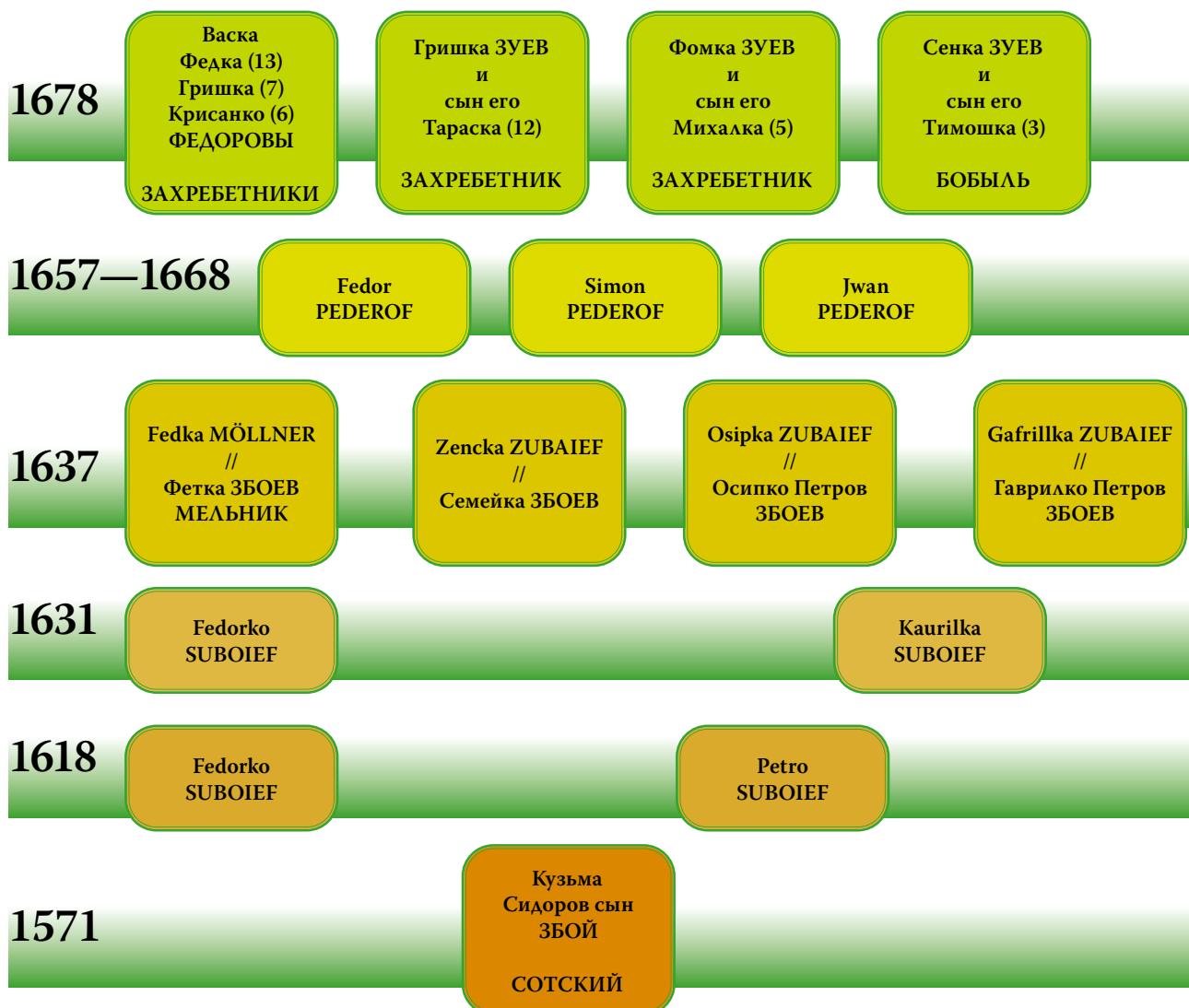

Фрагмент ландшафтной карты Куркиёкского погоста, 1646 г. [26].

Обратим внимание на то, как автор зафиксировал на местности положение каждого двора в деревне *Sawätia*. Всего их 12. Благодаря близкому времени создания двух документов можно не сомневаться, что под пронумерованными на карте символическими изображениями дворов — те самые их обитатели, которые перечислены в документе (см. Табл. 3, графа 3). Где ещё, как не во дворе под номером семь, локализованном на карте в непосредственной близости от той самой мельницы-толчей, о которой говорилось выше, должен был проживать мельник Федка Збоев? Конечно же, в стороне от других (на Збоевом холме?) должен был стоять двор под номером шесть Ющика Онофриева, который согласно шведской части документа вообще проживал в соседнем поселении. И разве не символом-кружком заметно большего размера должен был быть обозначен двор богача по местным меркам — Гаврилки Петрова Збоева?

¹ Хотя в архивном шифре стоит под вопросом имя Эрика Уттера, достаточно одного взгляда на уверен но атрибутированный как его произведение план, сопровождающий налоговый список 1650 г., для понимания насколько в разных руках должны были оказаться перо и краски, чтобы появились эти произведения (ср.: рис. на с. 96 и 97).

Прослеженная мной последовательность упоминаний имён прародителей крестьянского рода Якушевых — Зуевых (Збоевых) в документах налогового предназначения сложилась в подобие генеалогической схемы.

Прародители крестьянского рода Якушевых-Зуевых — сыновья, внуки, правнуки и праправнуки Кузьмы Сидорова сына Збоя. Составлено по: [15: 60; 18: 309, 431; 21: 79, 90; 27: 86—87, 494; 34: 59]

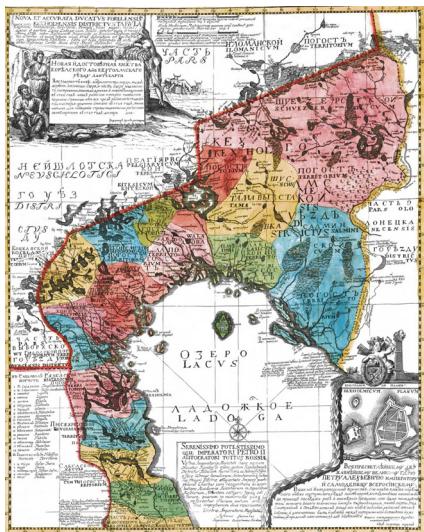
На данном этапе исследования в ней за недостатком документально подтвержденных данных, в том числе из-за того, что к некоторым из архивных документов нет доступа, имеются недостающие звенья. Тем не менее, на мой взгляд вполне убедительным выглядит заключение, что наиболее древние корни родословия Якушевых следует искать не в окрестностях Онежского озера (Купецкая волость) и не в Тверском Верхневолжье (Бежецкий Верх), а в северо-западном Приладожье.

В ПОТОКЕ ИСТОРИИ

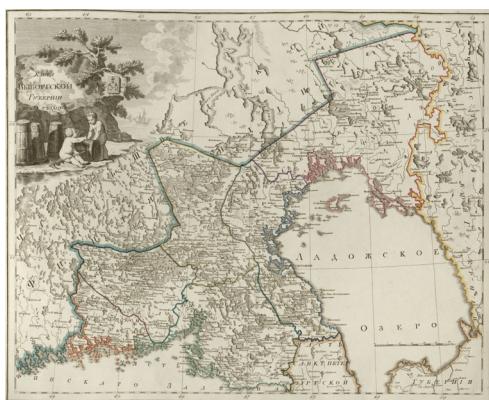
Как и когда появился род Збоевых в одной из четырёх деревень на берегах реки Сошковой, неоднократно упоминаемой в самом раннем из дошедших до наших дней описании Корельского уезда с далёким от соответствия формуляру названием «Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 [1500] года»?

Слишком значительным является временной промежуток между этим документом и впервые зафиксированной названием Шавоя на русском языке «поземельной книгой» 1637 г.

В шведской части того же документа поселение фигурирует как *Sawoia By*. До этого ещё в двух налоговых списках, составленных шведской администрацией, находим аналогичное название: *Sawoia* и *Sawioia* — в 1618 и 1631 гг. соответственно. Для полноты картины приведу ещё два варианта написания названия этого поселения на шведском языке: *Sawijoja by* (в публи-

Новая и достоверная княжества Корельского, а ныне Кексгольмского уезда ланктарта А. Клешнина, 1725 г.

Карта Выборгской губернии из шести уездов А. Вильбрехта и А. Савинкова, 1800 г.

Установить преемственность имён его обитателей на протяжение 1618—1656 гг. с именами крестьян, живших в деревне-предшественнице — скорее всего это «Сошково ж на другой стороне реки» и «Сошково ж на той же стороне» — не выглядит решаемой задачей. Все имена в четырёх поселениях, нередко объединённых под заголовком целой местности: Соскова (*Soskua*), как было сделано в обоих рассмотренных здесь документах XVI века: «обыске» 1571 г. и «списке дымов» 1590 г., известны только для начала столетия.

*Деревня Олкила на рѣцѣ на Сошково за лахтою. (д) Василь, да
Микитка, да Якушъ Юркви, (д) Давыдко Ивашковъ; (д) Якушъ
Ортемовъ, (д) Марко Палкинъ, да сынъ его Ошенишо; (д) Палка
Ивашковъ, (д) братъ его Матвѣйко, (д) Оверкай Лукинъ, (д) Пар-
фенко Дорофеевъ, (д) Михаилъ Наумовъ, (д) Васюкъ Гридинъ,
(д) Гридка Васильевъ, (д) Самсонко Микитинъ, (д) Гридка Ми-
нинъ; шестьнадцать луковъ.*

*Деревня Сошково за лахтою. (д) Еська Ошашковъ, (д) братъ
его Гаврилко, (д) Марко Василевъ сынъ Парандуева, да сынъ
его Назарко, (д) Ивашко Фоминъ сынъ Парандуева; пять луковъ.*

*Деревня Сошково жъ на другой сторонѣ рѣки. (д) Степанко
да Гридка Кузьмины, (д) Палка Юркинъ, (д) Омоско Ереминъ,
(д) Ивашко Мининъ, (д) Мануилакъ Купреяновъ, (д) Еська Яку-
шовъ, (д) Микитка Самсоновъ, (д) Офремко Онанынъ, сынъ его
Ивашко, (д) Офимко Ускаловъ; одиннадцать луковъ.*

*Деревня Сошково жъ на той же сторонѣ. (д) Осташъ Огафо-
новъ, (д) братъ его Ермолка, (д) Гридка Фоминъ, (д) Ивашко
Игаловъ, (д) Назарко Самсоновъ, (д) Фомка Кузьминъ, (д) Савка
Офорицьевъ; семь луковъ.*

Перечни имён обитателей деревень с названием Сошково на реке на Сошкове, 1500 г.

Переписная окладная книга по Новугороду Волынской пятины 7008 [1500] года //

Временник императорского Московского общества истории и древностей
Российских. Москва, 1851. Ч. II. С. 132.

Драматичные последствия реформы местного самоуправления безусловно сказались на судьбах их обитателей. Как убедительно показано выше, Лапиашская-Сошковская перевара буквально перестала существовать в ракурсе налогообложения. Вполне вероятно, население здесь в значительной мере обновилось ещё до шведского завоевания. Как раз в связи с огромным количеством покинутых к началу 1570-х гг. прежними жителями дворохозяйств сюда могли переселиться крестьяне-карелы из соседних местностей.

Во всяком случае, вряд ли возможно изначальное проживание двух сотских в одной и той же деревне, учитывая, что каждый из них должен был по определению представлять сто дворов, входивших в сферу его ответственности. Тем не менее, согласно налоговому списку 1618 г. здесь потомки как Кузьмы Сидорова сына Збоя, так и Васюка Федорова сына Полукорелы — сотских, которые инспектировали вместе с Фёдором Калитиным запустевшие дворохозяйства в северо-западном Приладожье в марте 1571 г. (см. Табл. 3).

Почему как будто вовсе не бедствовавшие под властью шведов Збоевы бежали в Россию в ходе русско-шведской войны 1656—1658 гг.?

Прежде всего следует подчеркнуть, что в историографии хорошо изучена растянувшаяся на многие десятилетия миграция карелов — православных жителей Корельского уезда — Кексгольмского лена под властью Швеции — в Россию. Показана и многомерность причин

массовых уходов из родных мест в поисках новой отчизны. Поначалу объяснения в основном сводились к непереносимости конфессионального давления государства, стремившегося сделать всех подданных на вновь завоёванной территории единоверцами-лютеранами (Крохин [9], Жербин [4]); затем они были дополнены наблюдениями о тяжести налогового бремени и другими причинами экономического характера (Гадзяцкий [1], Шаскольский [20]). Позднее исследователи акцентировали внимание на сопряжённости волн миграций с ухудшением климатических условий и недородами сельскохозяйственных культур, что с отсылкой к исследованиям Тигерштедта (*Tigerstedt*) образно сформулировано Антти Куйял:

«В 1630-х и 1640-х гг. наступили трудные годы бедствий. Сорняки [заполонившие поля — И. Ч.], увеличивали готовность двигаться и способствовали пикам миграций» [30: 151].

Основную причину массовых уходов населения находят также в переманивании карелов в пределы российских земель обещаниями самых благоприятных условий для ведения крестьянского хозяйства (*Laasonen* [31: 94—103, 152—154]). Разделяя это мнение, Киммо Катаяла (*Katajala*) подчёркивает:

«Религиозная ситуация, без сомнения, была сложной для православных людей, но есть явные признаки того, что другие причины имели большее значение для переезда в Россию. Наивысшие пики миграции наступали в отдельные периоды (война 1650-х гг., конечно) и после неурожаев. Когда ситуация была экономически стабильной, передвижение замедлялось. Православные люди в плодородных местностях и благополучных деревнях оставались. Эти деревни даже сегодня существуют с православным населением в приходах Липери и Иломантси. Ещё одним важным фактором стала информация из России о том, что на Бежецкой равнине есть много пахотных плодородных земель, доступных для новых поселенцев. Таким образом, в экономически тяжёлые времена Новгород «всасывал» людей с огромной территории. Карелы из Кексгольмского уезда были частью этого движения» [28].

Итак, в последнее время начинает преобладать многомерный взвешенный подход. В то же время — не исключая, что на готовность к уходу воздействовала тяжесть налогообложения в Шведском государстве, которое вело агрессивную внешнюю политику; обращая внимание на чрезвычайное похолодание, именуемое «малым ледниковым периодом», что не могло не усугубить ситуацию с взиманием налоговых выплат — историки всё более детализируют и акцентируют пренебрежение интересами местного населения в сфере церковной политики со стороны представителей шведской коронной администрации (Чепель [17], Laitila [32]). В новейшей историографии актуализировано даже индивидуальное соперничество высокопоставленных шведских чиновников, которые оказались не в состоянии обеспечить проведение последовательной политики в отношении завоёванной территории и её обитателей (Мёрнер [11]).

В поисках ответа на вопрос относительно причин ухода в Россию семейства Збоевых из куркиёкского селения Савоя вместе со всеми соседями (ещё 11 дворохозяйств), следует иметь в виду, конечно же, чрезвычайное ожесточение воевавших в 1656—58 гг. сторон, в которое оказались активно вовлечены местные жители. Грабежи и насилия всякого рода провоцировали население не только на партизанские вылазки против шведских вооружённых отрядов, но и на жестокость в отношении помещичьих имений, усадеб и ферм. Опасение грядущего возмездия со стороны власть предержащих, которое не замедлило бы обрушиться карательными мерами, по-видимому, не следует недооценивать. Местное карельское население мас-

сами двинулись вслед за уходившим из Приладожья русским войском, так и не добившимся поставленной царём Алексеем Михайловичем цели — отвоевания Корельского уезда. О масштабах ухода написано много, и даже многотысячные перечни имён глав покинувших территории семейств опубликованы с указанием кто, когда, откуда и куда ушёл; при этом в огромном количестве случаев было доподлинно известно, где именно проживают беглецы — «корельские выходцы» в российских документах того времени [33].

Я полагаю, что на общем фоне всех этих чрезвычайно важных в массовом контексте причин, столь активно обсуждаемых в историографии, что здесь можно опустить приведение веских доводов и оснований для абсолютно понятного недовольства православного населения имевшими место всевозможными притеснениями — в объяснении готовности карельских семей и целых деревень к уходу на российскую сторону оказывается упущенными ещё одно немаловажное обстоятельство. Хотя и сугубо конспективно, считаю важным его обозначить.

Захваченное западное Приладожье рассматривалось королём Густавом Адольфом как коронные земли. Тем не менее, особенно в правление королевы Кристины, они активно раздавались во владенье представителям дворянских фамилий на правах собственности. Известно, что к середине XVII столетия земельные владения шведской знати существенно увеличились за счёт пожалований и даже прямых захватов общинных земель: за короной и податным словием крестьян осталось только 28% пригодных для пашни земель, остальной фонд принадлежал дворянству на личном праве [8]. Подаренные, заложенные или проданные государством доходы с той или иной области давали новым владельцам право сбора податей и налогов и порождали стремление управлять теми, кто должен был их платить. Возобладало — с чрезвычайным опозданием на фоне имевших место в Западной Европе в это время противоположных тенденций — чисто феодальное представление господствующего класса о его правах и обязанностях в отношении короны и народа.

Как и шведское крестьянство, карелы в северо-западных пределах Московского царства, испокон веков обладали личной свободой и ничем, кроме целесообразности с точки зрения коллективных интересов локального общинного социума, не ограниченной инициативой в организации хозяйствования на земле, равно как в реализации индивидуального права на пользование альмендой (леса, прибрежные воды, луга, пастбища).

Под властью шведской администрации поначалу существенных перемен не произошло. По просьбе самих крестьян было сохранено даже традиционное право общины на распределение налогов по силе каждого дворохозяйства: «кто что снести может». Не случайно в «поземельной» книге 1618 г. присутствуют «старощенья», о которых шла речь выше. Тем не менее, уже первый владелец Кексгольмского лена — Якоб Делагарди — «с помощью часто очень способных помощников постепенно перенял в своё ведомство сбор всех налогов», что позволяло ему «получать значительную личную прибыль» [11: 82]. Впрочем, в то же время в его обязательства перед короной входило обеспечение крестьян крупным рогатым скотом, лошадьми и зерном. На подведомственную ему территорию не могли переселяться мужчины из Саволакса и Выборга, во избежание появления здесь преступников и так называемых дезертиров, скрывавшихся от службы в армии. В Кексгольмском лене под властью Делагарди королевская администрация не могла вводить никаких дополнительных поборов, как не могло происходить и никаких новых земельных «отторжений» (дарений=пожалований). К тому же, в обязанности коменданта Кексгольмской крепости, не подчинявшегося Делагарди, входило «присматривать за тем, чтобы ... судебные приставы не оскорбляли крестьян» [11: 82]. Эти договорные условия, безусловно, носившие охранительный характер для местного населения, соблюдались до 1630 г., когда закончился продлённый срок ленного владения Делагарди.

Затем происходит своего рода приближение государства в лице чиновника к налогоплательщикам. В 1637 г., как показано выше, детальной оценке в целях точного установления максимально возможного объёма налоговых выплат подверглось не просто имущество в каждом дворохозяйстве, но личная состоятельность глав крестьянских семейств. Однако и тогда ещё эта внешняя диктующая воля действовала, можно полагать, объективно, без произвола, чтобы налогоплательщики не разорились. Графа «отдача» в налоговой ведомости заполнялась неукоснительно, но с пониманием, что выплаты установленных окладов могли вноситься крестьянами по частям. Как свидетельствует документ (см. Табл. 2), один из братьев Збоевых — Гаврилко Петров, самый обеспеченный из них — вообще в момент сбора налога не внес ни копейки. Кто знает, не отразилось ли в этом жесте его негодование за возросшее лично для него на целый рубль налоговое бремя?

В 1642 г. губернатором в Кексгольм был назначен Рейнхольд Метстаке (*Reinhold Metstake*). Его политика в отношении местного крестьянства носила характер настолько жестокой эксплуатации, что спустя шесть лет против него началось официальное судебное расследование. М. Мёрнер сообщает о 18 (!) состоявшихся публичных слушаниях с участием крестьян, которые были призваны свидетельствовать о «многочисленных злоупотреблениях и налоговом гнёте губернатора» [11: 90].

Однако, не за горами было тотальное наступление на традиционно принадлежавшие карельским крестьянам на обычном праве земельные и другие угодья крупных феодалов- землевладельцев, получавших в дар от короны целые области.

Так, в ноябре 1651 г. значительная часть древнего Кирьяжского погоста, включая выделившийся из него погост Яккима, королевским указом была пожалована графу Туру Габриэлю Оксеншерне (1604—1669) на наследственном праве по мужской линии. На территории вновь образованного графства оказалось более шести с половиной сотен дворохозяйств. Все их обитатели автоматически сделались владельческими крестьянами со всеми вытекающими из этого, навязанного им статуса, последствиями. Была введена даже отработочная барщина: каждый работоспособный мужчина должен был работать на графа каждую шестую неделю. Поскольку Т. Оксеншерна, хотя и жил в Швеции, основал здесь два огромных имения: одно в Куркиёки, другое в Терву, проблемы с тем, чем занять подвластных отныне его феодальной администрации местных крестьян, не возникало. Там и там началось строительство господских домов в три этажа с застеклёнными окнами, в многочисленных гостиных и спальнях которых стояли изразцовые печи — совершенное новшество в здешних краях по тем временам.

Одновременно с графом Оксеншерной земельное пожалование в окрестностях бывшего Кирьяжа — селение Лахденпохья с округой, включая Яккиманвару и Мийнола, получил ещё один представитель высшей шведской знати — барон Густав Бьельке (1618—1661) — тот самый, кому довелось возглавлять печально известное пребыванием едва ли не в плену в России (1655—1658) посольство короля Карла X Густава с целью «выяснить, не хочет ли царь [Алексей Михайлович — И. Ч.] выступить в войне против Польши в союзе со Швецией» [2: 85], и кто в личном донесении королю имел все основания написать о русских: «надменность и высокомерие народа столь велики, что этому стоит поучиться» [7: 76].

К середине 1650-х гг. на землях древнего Кирьяжского погоста было уже несколько крупных землевладений. Графу Т. Оксеншерне, племяннику всемогущего королевского канцлера Акселя Оксеншерны (1583—1654), принадлежало 770 крестьянских хозяйств, остальным — в составе так называемых баронств — еще 504¹. И хотя чувство историзма заставляет сомневаться, что роскошь господской жизни обосновавшихся на древних карельских землях шведских

¹ Подробнее см.: [13].

феодалов наши «корельские выходцы» успели увидеть собственными глазами — по-видимому, процветание усадеб, о которых сообщают интернет-сайты, наступило гораздо позднее, в следующем столетии — в том, что феодальное право землевладельца было реализовано немедленно, сомневаться не приходится. Во всяком случае, та самая мельница-толчей, которая упоминалась выше несколько раз и является своего рода «ландшафтным ключом-подсказкой» в предпринятом генеалогическом исследовании, скорее всего сразу перестала принадлежать семейству Федки мельника Збоева (*Fedka Möllner*). Баналитетное право¹ — одна из главных и безусловно приоритетных феодальных привилегий. В дальнейшем три мельницы во владениях Т. Оксеншерны упоминаются как приносившие большой доход своему владельцу. Вероятно, отъём толчей, стоявшей близ деревни Шавоя, был крайне неприятным знаком новой реальности для братьев Збоевых. Возможно, в противостоянии с управлением феодального имения разыгралась настоящая драма. На это предположение наводит уточнение В. Салохеймо, который обозначил мельником не Фёдора, а Ивана — его двоюродного брата [33] (см. с. 119).

О том, что для местного крестьянства появление шведских землевладельцев означало радикальные, а для кого-то и драматичные перемены в повседневной жизни, убедительно написал — первоначально в учебнике «История финского народа» для средней школы, позднее доработанном до классической монографии, выдержавшей не одно издание, в том числе на шведском языке, авторитетнейший финский историк XIX века Ирьё Сакари Коскинен (*Yrjö-Koskinen*):

«С пожалованием земельного владения дворянин получал преимущества, которые чувствительным образом оскорбляли живших там людей. Каждый землевладелец имел право покровительства при назначении пастора. Налогоплатящие попадали полностью под его власть, и он мог поднимать оклады, не считаясь с правительственные распоряжениями. Особенно графы и бароны с их властными, почти княжескими полномочиями, явились бременем для других социальных слоёв общества. Помимо долгов перед короной и сборов на содержание судей, они устанавливали нормы поступлений с подвластной территории. Они же брали на себя единоличное право судить, одновременно выступая в роли адвокатов ... Вся административная власть была в их руках, и в своих собственных тюрьмах они подвергали наказаниям не только преступников, но и других ответчиков, включая детей...» [29: 255].

Понятно, что карельское крестьянство не могло согласиться со столь значительными потерями в социальном статусе. Когда пришли русские войска, народ воодушевился и немедленно вспомнил обо всех притеснениях, а их было немало. Здесь не имеет смысла описывать ещё раз хорошо известные в историографии драмы отдельных лиц и целых семей. Стоит подчеркнуть, однако, что все лютеране немедленно покинули Приладожье. Им было чего опасаться. Но случилось то, что случилось. Война не закончилась победой русских войск и с их отступлением огромному большинству карелов ничего не оставалось как уходить вслед за ними на российскую сторону. Им было от кого спасаться бегством.

Братья Збоевы оказались в числе многих тысяч крестьян, включившихся в этот колоссальный по масштабам исход. Покинул деревню Савоя целый родственный клан: потомки сотского Кузьмы Сидорова сына Збоя, чьё имя авторитетного члена обыскной комиссии Фёдора Калитина 1571 г. осталось в истории — его внуки Федор (*Fedor Pederof*, сын Федки Збоева,

¹ **Баналитет** (от фр. *banal* — «принадлежащий господину») — монопольное право западноевропейского феодала на общественно значимые объекты (мельница, пекарня, винодавильня), к обязательному пользованию которыми принуждались обитатели территориальной общности под его властью, с взиманием за это платы.

мельника), Симон (*Simon Pederof*, сын Семейки Збоева) и Иван (*Jwan Pederof¹*, сын, вероятно, Гаврилки Петрова Збоева, а не Осипки Петрова Збоева) (см. с. 119). С уходом Ивана имение Т. Оксеншерны потеряло целых четыре мантала в налоговых поступлениях [34: 59]. Судя по всему, этот Иван Збоев, внук Петра, правнук Кузьмы, так же как затем его сын — Сенка Зуев — наследники семейного состояния, о котором известно по налоговому окладу Гаврилки Петрова Збоева, выплаты которого в 1630-е гг. были в четыре-пять раз выше, чем у подавляющего большинства окрестных крестьян. Даже после десятилетий переездов, никак не способствовавших накоплению, зато потребовавшим немалых трат, Сенка Зуев имел бобыльский статус, в то время как другие Зуевы могли претендовать только на положение захребетников. Не случайно и то, что против имени Ивана в опубликованном В. Салохеймо списке стоит помета о месте нахождения — Чернецкое в Бежецком Верхе.

Можно думать, что вначале братья Збоевы с семьями, а также их соседи все вместе двинулись в Тверское Верхневолжье и даже поселились в Чернецком. Однако, как ясно из предшествующих пояснений, землевладельцы-шведы были прекрасно осведомлены о том, где находятся их сбежавшие «подданные». Ультимативные требования о возвращении «корельских выходцев» озвучивались не только в момент заключения Кардисского мира (1661 г.). Списки продолжали составляться ещё как минимум 15 лет по окончании военных действий. Продолжались и решительные обращения к московским властям с требованиями вернуть карельских крестьян на прежние места жительства — в подданство шведской короны, поскольку западное Приладожье оставалось за Шведским королевством. В свете этих обстоятельств нетрудно понять почему в переписной книге 1669 г. нет села Чернецкого. Было оно расселено, сознательно пропущено или переименовано переписчиками в Козьмодемьянское (?) ещё предстоит выяснить. В любом случае его временные обитатели-переселенцы опасались там оставаться. И братьям Збоевым пришлось снова уходить.

Вполне вероятно, что, продвигаясь в конце 1650-х гг. в направлении Бежецкого Верха по восточному прибрежью Онежского озера, их отцы присмотрели для себя как возможное место поселения Купецкую волость. Во всяком случае, не выглядит необъяснимым то, что зарегистрированные в переписной книге 1678 г. Сенка, Гришка и Фомка Зуевы не стали исправлять неточно записанное со слуха переписчиком фамильное прозванье, сделавшись из Збоевых Зуевыми. Для семейства, проведшего к тому времени около тридцати лет в скитаниях, опасность розыска и возвращения за шведский рубеж оставалась вполне реальной. Остаётся заметить, что у каждого из братьев — правнуков Кузьмы Сидорова сына Збоя — малолетние дети, и что вместе с ними — их осиротевшие родственники Васка, Федка, Гришка и Крисанко Федоровы (дети Федора Федорова, внуки Федки мельника Збоева, правнуки Кузьмы Сидорова сына Збоя).

Валериан Витальевич Бабадин. Зимний пейзаж с мельницей

¹ Должно быть: *Petrof*, так как в опубликованном позднее уточнённом перечне покинувших Кексгольмский уезд крестьян-карелов В. Салохеймо указал имя *Petr* как родовое имя Ивана. См.: [33].

Список источников и литературы

1. Гадзяцкий С. С. Карелия и Южное Приладожье в войне 1656—58 гг. / С. С. Гадзяцкий // Исторические записки. Т. 11. Москва, 1941. С. 236—281.
2. Далгрен С. Швеция и страны Восточной Европы в пятидесятые годы XVII в.: историография и источники / Стеллан Далгрен // Русская и Украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII века. Москва, 2000. С. 81—91.
3. Даляр В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4 / [Сочинение] Владимира Даля. Санкт-Петербург ; Москва : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880—1882.
4. Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке / А. С. Жербин. Петрозаводск, 1956. 79 с.
5. Жуков А. Ю. Система расселения и административно-территориального деления Приладожской Карелии (XII—XVIII века) / А. Ю. Жуков // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 72—79.
6. Кирияж: История [Электронный ресурс]: сайт Краеведческого центра пос. Куркийоки / Петров И. В., Петрова М. И. URL: <http://www.kirjazh.spb.ru/history.htm>
7. Кобзарева Е. И. Дипломатических этикет и диалог в условиях подготовки к войне и разрыва дипломатических отношений: шведское посольство в Москве в 1655—1656 гг. / Е. И. Кобзарева, Г. М. Коваленко // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы 14-й ежегодной международной конференции. Санкт-Петербург, 2013. С. 70—78.
8. Крестьяне в Швеции [Электронный ресурс]: История Швеции. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Редукция_\(Швеция\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Редукция_(Швеция))
9. Крохин В. История карел / В. Крохин // Русская старина. Т. CXXXIV. Вып. 6. Санкт-Петербург, 1908. С. 581—596.
10. Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв. / И. А. Кюршунова. Санкт-Петербург: Изд-во Дмитрия Буланина, 2010. 672 с.
11. Мёрнер М. Наследие Столбовского мира. Шведское правление в Ингрии/Кексгольме 1617—1704 / М. Мёрнер ; пер. М. А. Катцовой // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. / Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, декабрь 2006 г. Санкт-Петербург, 2007. С. 78—95.
12. Петрова М. И. Демография Кирияжского погоста в период шведского завоевания в XVI—XVII веках / Марина Игоревна Петрова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 80—90.
13. Петров И. В. В составе Швеции // Лахденпохский район. От каменного века до наших дней / Петров И. В., Петрова М. И. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kirjazh.spb.ru/l_hist/l_hist5.htm
14. Самарина К. Куркиёки (Кирияж) // Школа путешественника «Серебряное кольцо» / Ксения Самарина. [Электронный ресурс]. URL: <http://club.silver-ring.ru/articles/kurki-ki-kirjazh.html>
15. Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. II: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства / Д. Я. Самоквасов. Москва, 1909. 590 с. (Следствия реформы местного управления 1556 года. Ч. I. С. 33—37). (Обыск опустевших крестьянских жеребьев в перевалах черносошных крестьян Кирияжского погоста Вотской пятини Ф. В. Калитина. Ч. 2. С. 59—125). (Книги оброчные мельничные. С. 387—391).
16. Словарь русского языка XI—XVII веков. Вып. 30. Санкт-Петербург, 2015. URL: <http://web-corpora.net/wsgi/oldrus.wsgi/results/ТЯГЛО>
17. Чепель А. И. Проблема перебежчиков в русско-шведских отношениях: от Столбовского до Кардисского мира (по материалам архива Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии Наук / А. И. Чепель // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. Вып. 4 (26). С. 29—41.
18. Чернякова И. А. (сост.) История Карелии XVI—XVII вв. в документах: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600 luvuilta. Т. 1 / И. А. Чернякова, Г. М. Коваленко, В. Салохеймо. Петрозаводск-Йоэнсуу, 1987. 625 с.

19. Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: очерки аграрной и социальной истории XVII века / Ирина Чернякова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 297 с.
20. Шаскольский И. П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. Санкт-Петербург, 1998. 320 с.
21. Якушев Д. И. История рода Якушевых / Якушев Денис Игоревич // CARELiCA: научный электронный журнал. 2019. Вып. 1(21). С. 72—121. URL: [http://carelica.petrsu.ru/CARELiCA/_1_2019_\(21\)/yakushev.html](http://carelica.petrsu.ru/CARELiCA/_1_2019_(21)/yakushev.html)
22. Якушев Д. И. Там, на Купецком озере, где роду моему начало... / Д. И. Якушев, Д. В. Брусицына / науч. ред. И. А. Чернякова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 182 с. URL: <http://carelica.petrsu.ru/mediateka/home/monographs/id-2.html>
23. Якушев Д. И. Технология представления печатных произведений в дореволюционной орфографии в формате, доступном для текстовых редакторов / Якушев Денис Игоревич // CARELiCA: научный электронный журнал. 2016. Вып. 1(15. С. 96—101. URL: http://carelica.petrsu.ru/2016/96-101_Yakushev.pdf
24. Branch M. A. [Рецензия] Cherniakova, Irina and Katajala, Kimmo (eds.) Istoriiia Karelii XVI—XVII vv. v dokumentakh / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta. Volume III. University of Joensuu and the Karelian Science Centre, Joensuu and Petrozavodsk, 1993. 509 pp. Notes. Index. Map. FM 150.00 (paperback) / M. A. Branch // The Slavonic and East European Review», Vol. 74. No. 1. Jan., 1996. P. 163—164. URL: <https://www.jstor.org/stable/4212026>
25. Chernyakova I. «Korelian refugees» in Seventeenth century Olonets Karelia / Irina Chernyakova // Historia Fenno-Ugrica 1:1 Congressus Primus Historiae Fenno-Ugricae / Ed. Kyösti Julku. Oulu, 1996. P. 141—161.
26. Geographisch afrijtningh uppå Kürck-Jocki pogost i Kexholms Norre lähn, anno 1646. [Электронный ресурс]. URL: https://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0002172_00001
27. Katajala K. (toim.) Käkisalmen läänin maakirja vuodelta 1637 / K. Katajala, S. Hirvonen // Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600 luvulta: История Карелии XVI—XVII вв. в документах Vol. II. Joensuu, 1991. 758 s.
28. Katajala K. Kimmo Katajala's opinion was obtained in an email interview (17.08.2020).
29. Koskinen Y. Finland historia: fran den äidsta tiden intill vara dagar / Yrjö Koskinen. Helsingfors—Stockholm, 1874. 636 s.
30. Kujala A. Det svenska riket och dess undersåtar i Ingermanland och i Kexholms län på 1600-talet (1617—1658): Kronans dialog med den lokala adeln och de ortodoxa bönderna och köpmännen / Antti Kujala // Historisk Tidskrift för Finland. 2011. [Vol.] 2. P. 131—161.
31. Laasonen P. Novgorodin imu: miksi ortodoksit muuttivat Käkisalmen läänistä Venäjälle 1600-luvulla? / Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005. 171 s.
32. Laitila T. Coercion, Cooperation, Conflicts and Contempt: Orthodox-Lutheran Relations in Swedish-Occupied Kexholm County, Karelia, in the Seventeenth Century / Teuvo Laitila // Entangled Religions. Vol. 11. No. 1 (2020). DOI: <https://doi.org/10.46586/er.11.2020.8646>
33. Muutto Käkisalmen Läänistä ja Inkerinmaalta Venäjälle 1600-luvulla : Tverinkarjalaisten ustavät ru [Электронный ресурс] / Veijo Saloheimo. URL: <http://www.tverinkarjala.fi/muuttoluettelot.htmls>
34. Saloheimo V. (toim.) Käkisalmen läänistä ja Inkerinmaalta ruptuurin aikana 1656-58 paenneet ja poisviedyt / Historian tutkimuksia, Joensuun yliopisto, Humanistinen tiedekunta. N:o 1. Joensuu, 1995. 201 s.
35. Sjöström M. Medieval landed inheritance of the Junkar and Viiken lineages of Vehkalahti, Finland / M. Sjöström // Journal of the Foundation for Medieval Genealogy. 2011, January. Vol. 3, issue 5. P. 425—461. URL: <https://fmfg.ac/publications/journal/volume-3/category/57-fnd-3-5>
36. Utter E. Käkisalmen lääni. Kurkijoki. Maakirjakartat 1600-luku [Электронный ресурс] : Jyväskylän yliopisto. JYX Digital Repository. URL: <https://jyx.jyu.fi/handle/123456789/25012>

Genealogical etude: What the 16th—17th century tax documents can tell to a family history researcher?¹

Irina A. Chernyakova

Petrozavodsk State University,
 Institute of History, Political and Social Sciences,
 Associate Professor of the Department of Foreign History,
 Political Science and International Relations

Humanitarian Innovation Park
 Head of the Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia (ILLMiK)
 Associate Professor of Russian History at the University
 of Eastern Finland (Joensuu Campus),
 PhD in History

Abstract:

The article shows the possibility of using the heuristic method in genealogical research, addressing the days before the beginning of the compilation of the church record books. The author argues that documentary sources created for the purpose of administrative management of a particular territory and taxation of its inhabitants can be involved in detecting and confidently building the name sequence for the ancestors of a particular peasant family line. The specific nature of this study is determined by the fact that the studied documentary sources were created in connection with the activities of both Russian and Swedish authorities on the territory of the ancient Korela uyezd (western and north-western Ladoga region), claimed and fought for by the Swedish kings and Russian sovereigns from the late 16th to the early 18th centuries (1580—1721). The author focuses on land, search and census books; tax registers; lists of Karelian families who fled the area during the war years, presented by the Swedish landowners in their claims to the Russian authorities; and cartographic materials. Using a comparative study of specific historical information, conveyed to the present day by a set of various documentary sources, the author reveals the drama of the prehistory of the Yakushev family, studied and restored from modern times back to the last third of the 17th century by D. I. Yakushev over eleven generations (88 families, 280 names).

Key words: Genealogical research; 16th—17th century; peasant family; Karelian migrants; tax documents; cartographic materials; Korela uyezd; Kexholm län; Kiryazh pogost; Kurkijoki pogost.

¹ The research was carried out as part of the Academy of Finland project No 14997 «The Integration of the Karelian Periphery in European Society».